

Ирена Сытник

Дева и чудовище

Сказки для больших девочек

16+

Ирена Р. Сытник

Дева и чудовище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35756779

SelfPub; 2018

Аннотация

Почти индийская мелодрама, с танцами, но без песен :)Злая судьба посмеялась над девой: выдали замуж за чудище, но ей вопреки стала та королевой и повстречала любовь, пусть грешно. Всё в этой сказке не так однозначно, есть тут интриги крутой поворот. И атмосфера не так уж и мрачна, а муженёк не такой и урод.

СИРена

Дева и чудовище

2012

1

Леди Айскин зевнула, прикрыв ладонью рот, и посмотрела в зеркало. Руби, камеристка, старательно укладывала последний локон в изысканную причёску, когда в комнату вбежала запыхавшаяся Лота, вторая камеристка.

– Г-госпожа... – от волнения девушка даже начала заикаться. – Там... Там приехал граф Атонианский... Он желает вас видеть!

Леди Айскин так резко повернулась, что Руби, от неожиданности, уколола её шпилькой. Леди вскрикнула и шлёпнула служанку по руке.

– Безрукая корова! – гневно вскричала она.

– Простите, госпожа... – испуганно пролепетала служанка, отступая.

– Ты уверена? – обратилась леди Айскин к Лоте. – Это точно Его Светлость?

– Так мне сказал дворецкий... Это он послал меня к вам.

– С чего это графа принесло в такую рань? – забеспокоилась леди, вновь поворачиваясь к зеркалу.

– Не знаю, госпожа, – ответила Лота.

– Тебя, дуру, и не спрашивают! – огрызнулась леди Айскин. – Где граф сейчас?

– Дворецкий отвёл его в голубую гостиную.

– Тогда ступай и скажи Его Светлости, что я приду через несколько минут.

– Слушаюсь, госпожа, – присела в полупоклоне служанка.

– Да смотри, веди себя вежливо и почтительно. Правильно поклонись, как тебя учили. И не пялься на него, граф не любит, когда смотрят на его лицо.

– О, нет, госпожа! Я не буду смотреть на него... Он так безобразен!

– Отворачиваться тоже нельзя, он может обидеться. Веди себя естественно, как будто ничего не замечаешь.

– Да, госпожа... – пробормотала Лота и выскользнула за дверь.

Спускаясь на второй этаж, где находилась голубая гостиная, предназначенная для приёма высокопоставленных гостей, она бормотала под нос:

– Как же, не заметишь тут ничего, когда его уродство просто бросается в глаза... Да на него страшно смотреть! Настоящее чудовище...

Войдя в голубую гостиную, девушка увидела высокого человека, одетого в тёмный атласный костюм, отделанный белоснежным мехом и серебряной вышивкой. Он стоял к ней спиной, заложив руки назад, и смотрел в открытое окно, вы-

ходившее в сад. Лота втайне обрадовалась, что не видит его лица.

Склонившись в глубоком поклоне, девушка произнесла:

– Леди Айскин придёт через несколько минут, Ваша Светлость.

Граф даже головы не повернул, словно не услышал. Лота выпрямилась, минуту смотрела в прямую широкую спину, по которой струились тёмные с сединой волосы, собранные в пучок и перевитые серебряной лентой, раздумывая, не повторить ли сообщение, но затем отступила и тихонько выскользнула из комнаты.

Граф медленно повернулся и посмотрел на закрытую дверь. Продолговатое мрачное лицо, обезображенное уродливыми шрамами, было неподвижным и застывшим, словно маска. И только прищуренные тёмные блестящие глаза казались живыми: в их глубине отражались тщательно скрываемые чувства.

Послышались торопливые шаги, шелест шёлковых юбок, дверь распахнулась и в комнату вошла леди Айскин в сопровождении обеих камеристок. На губах женщины сияла приветливая улыбка, но в глазах притаилась тревога. Все трое склонились в глубоком реверансе, и граф ответил им вежливым поклоном. Движения гостя не отличались изяществом. Они были скованными и несколько неуклюжими. Это и понятно: Его Светлость не был салонным щёголем; большую часть жизни он провёл в седле и на поле боя.

– Доброе утро, сударыня, – приветствовал граф хозяйку. – Извините, что потревожил в столь ранний час, но я ехал мимо и решил заехать сейчас, так как возвращаться буду другой дорогой... У меня к вам небольшое дельце, которое я хотел бы обсудить наедине.

– Доброе утро, милорд! – сердечно ответила леди Айскин, продолжая приветливо улыбаться. – Всегда рада видеть вас в моём доме.

Тревога в глазах женщины сменилась любопытством. Она посмотрела на камеристок и жестом приказала удалиться. Девушки тут же, с нескрываемой радостью и облегчением, исчезли. Леди Айскин указала графу на одно из кресел, стоявших у огромного камина.

– Прошу вас присесть, милорд. Вина?

– Нет, спасибо.

Леди опустилась в кресло напротив и с любопытством уставилась на гостя.

Граф откинулся на высокую удобную спинку, положил ногу на ногу, сцепил на коленях руки и заговорил хриплым, сорванным в атаках голосом:

– Вы знаете, сударыня, что я долго отсутствовал дома, скитаясь по чужбине... Воевал в разных армиях, служа всевозможным правителям и королям. Недавно я вернулся домой – меня призвал семейный долг... Жизнь скитальца и наёмника не позволила мне жениться, поэтому сейчас, несмотря на преклонные года, я остался один, без супруги и без де-

тей... Я баснословно богат, знатен и независим. В моём доме есть всё, кроме одного: в нём нет хозяйки. И я решил жениться. – Глаза леди Айскин испуганно распахнулись, а лицо слегка побледнело. – Я знаю, что далеко не молод и, мягко говоря, некрасив... И понимаю, что ни одна благородная девушка не пойдёт за меня по доброй воле. А я не желаю брать в дом женщину, которая будет не только не любить, но и ненавидеть меня. Поэтому решил жениться на простой, но хорошо воспитанной девице, сироте, которая, пусть и не полюбит меня, но будет, хотя бы, благодарна за то, что я её возвысил, дал положение в обществе и достаток... Я слышал, сударыня, у вас в доме есть такая девица – некая Элиссандра, ваша воспитанница.

– Святые Небеса! – в изумлении воскликнула леди Айскин. – Это невозможно!

– Невозможно? – В тёмных глазах графа отразилось удивление. – Почему? Она помолвлена?

– Нет!

– Так в чём причина?

– Элиссандра – рабыня!

– Рабыня?

Казалось, граф был шокирован. Хотя лицо его оставалось неподвижным и на нём не отразились никакие чувства, но глаза налились гневом. Он уставился на леди Айскин с таким выражением, словно хотел её немедленно убить. Женщина сжалась от страха и пролепетала:

– Простите, Ваша Светлость, что особое положение этой девушки ввело вас в заблуждение, но право, я и сама иногда забываю, что Элиссандра – невольница. Мало кто в доме помнит, что эта девица не свободная приживалка, а рабыня...

– Как так вышло, что рабыню воспитывали, как свободную? – В хриплом голосе графа прозвучали ледяные нотки.

– Это случилось не по моей вине... – словно оправдываясь, пробормотала женщина. – Это всё покойный супруг... Это он шестнадцать лет назад привёз девочку в замок и приказал растить и воспитывать совместно с нашими детьми... Он питал необъяснимую привязанность к малышке – я даже ревновала... – Леди Айскин отвернулась к окну и сердито поджала губы. – Подозреваю, что Элиссандра – его дочь от какой-нибудь потаскушки... После смерти супруга я сразу указала бастарде на её законное место, и сейчас она прислуживает моей дочери. Однажды я даже хотела продать эту девку, но дочь отговорила меня, так как очень привязалась к Эллис.

Граф резко поднялся и порывисто зашагал по комнате. Затем повернулся к леди Айскин и произнёс:

– Что ж... Это даже упрощает дело. Я хочу выкупить у вас эту девушку!

Леди Айскин была поражена.

– Вы всё равно хотите жениться на ней?!

– Я могу себе это позволить... Я сам себе господин и боль-

ше никто не может мне указывать, что я могу, а что не могу делать! – с некоторой горячностью воскликнул граф. – Сколько вы хотите за Элиссандру?

Леди Айскин минуту отходила от шока, а потом осторожно ответила:

– Я могу отдать вам Эллис бесплатно... Более того, никто и никогда не услышит из моих уст, что она... была рабыней... И я дам девушке приданое, если... – она запнулась и бросила на графа настороженный взгляд, – ...если вы простите наш земельный долг...

– Согласен, – не раздумывая кивнул граф.

Леди глубоко вздохнула, переводя дух, и искренне улыбнулась.

– Когда свадьба?

– Примерно, через месяц. Я пришлю письмо с точной датой. Венчание состоится в вашем храме, пира не будет. Сразу после обряда мы уедем.

Леди Айскин согласно кивала. Её вполне устраивали такие условия.

– Ну что ж, раз мы обо всём договорились, я покину вас, леди. Готовьтесь к торжеству, готовьте приданое... На этом разрешите откланяться...

– А... Разве вы не хотите взглянуть на... невесту?

– Я увижу её у алтаря, – обронил граф, коротко поклонившись. – До свидания, сударыня.

– До свидания, милорд, – присела в реверансе леди Ай-

скин.

Когда за графом закрылась дверь, женщина с облегчением вздохнула и прошептала:

– Бездушное чудовище... Слава богам, что ему не приглянулась моя Люсиль... Этот урод прав: ни одна порядочная девушка не захочет стать его супругой, даже несмотря на баснословное богатство и знатность. Только безродная рабыня ему и пара!

Позвонив в колокольчик, леди вызвала камеристок и приказала привести Элиссандру. Рабыня прибежала через несколько минут, запыхавшаяся, и склонилась в низком поклоне. Леди Айскин недовольно посмотрела на склонённую темноволосую головку, а когда девушка выпрямилась, лицемерно улыбнулась.

– Детка, у меня есть для тебя хорошая новость, – заговорила она елеёным голоском. – Один знатный господин хочет взять тебя в жёны.

Эллис бросила на госпожу испуганный взгляд.

– Знатный господин? Но...

– Я сказала ему, что ты рабыня, но это не остановило его пылкости... Он пожелал даже выкупить тебя. Радуйся, милочка, скоро ты станешь истинной леди. Из грязи, да в князи! – криво улыбнулась леди Айскин.

– Но я не хочу замуж! – воскликнула Элиссандра. – Мне всего шестнадцать!

– А твоего желания никто не спрашивает, идиотка! –

вспылила леди. – Я знаю все твои желания: ты мечтаешь залезть в постель к Бриссу! Забудь о нём, маленькая дуручка! Ты станешь женой графа Атонианского, хочешь ты этого или не хочешь! Этот старый уродливый дурак желает сделать тебя законной супругой, дать свободу, положение в обществе, сытую обеспеченную жизнь, а взамен не требует ни любви, ни обожания, а лишь покорность и благодарность! А она лепечет, что слишком молода для замужества. Пошла вон с моих глаз и готовься к свадьбе, а будешь упрямитесь, я выведу тебя на рынок и продам в портовый бордель!!!

2

Новость всколыхнула замок Айскин, как брошенный в болото булыжник застоявшуюся тину. Сам граф Атонианский, владыка и повелитель края, берёт в жёны безродную нищенку, приживалку в чужом доме! Неслыханное дело! Но лишь немногие завидовали счастью Элиссандры. О графе в Атонианской долине ходили разные слухи, один хуже другого. Говорили, что он жесток и беспощаден, что скор на расправу, что безжалостен и вспыльчив – и это правда. Говорили, что наложницы графа долго не живут – он их или замучивает до смерти извращёнными жестокими пристрастиями, или убивает за малейшую провинность. О его уродстве вообще ходили слухи один невероятнее другого.

Все эти сплетни, конечно же, не прибавляли радости

«невесте». Элиссандра находилась в каком-то горестном трансе. Прекрасные голубые глаза не просыхали от горьких слёз. Люсилианна – подруга детских лет, а ныне госпожа девушки, не выдержав слёз служанки, пошла к матери и, буквально на коленях, умоляла отказаться от этого брака. Леди ответила дочери довольно резко:

– У тебя слишком доброе сердце, Люсиль. Но подумай лучше о себе, а не о рабыне. Знаешь ли ты, что твой любезный отец задолжал графам Атонианским огромную сумму за аренду земель? Если мы уплатим долг, то станем почти нищими. Замок и наши родовые земли отойдут Бриссу в день совершеннолетия, а ты останешься бесприданницей. Как ты думаешь, сколько молодых людей пожелают взять тебя за муж? Быть может, и тебе придётся пойти за мерзкого похотливого старика!

– Понимаю, мама, – пролепетала растерянная девушка. – Но разве замужество Эллис решит эту проблему?

– Конечно, глупышка! Граф обещал простить долг, как только эта девчонка станет его женой.

– Это всё равно, если бы вы продали её на рынке, – прошептала Люсиль.

– На рынке за неё не дали бы столько денег, – цинично улыбнулась леди Айскин.

Месяц – небольшой срок, если хочешь растянуть его подольше. Декада промелькнула за декадой, и вот приблизился

тот роковой день, когда бедную девушку насильно поведут под венец. Напуганная рассказами о «женихе», Элиссандра не радовалась ни предстоящей «свободе», ни богатству, ни знатности. Она опасалась, что одну неволю поменяет на другую, и ещё неизвестно, какая из них хуже. Но девушка не могла ничего поделать: за ней строго следили, чтобы она не смогла убежать или оборвать такую драгоценную для леди Айскин жизнь. За несколько дней до свадьбы её вообще заперли в отдельной комнате, под круглосуточным наблюдением нескольких сиделок-надсмотрщиц.

Утром, в день бракосочетания, девушку начали готовить к торжеству. Граф прислал невесте роскошный наряд и великолепные украшения. Элиссандру вымыли в душистой воде, затем долго втирали в кожу ароматные масла, отчего она стала гладкой, как шёлк, и приятно пахла. Уложили роскошные густые волосы в причудливую причёску, украшенную драгоценными заколками, жемчужными нитями, перьями и живыми цветами. После облачили в свадебный наряд, навесили украшения, как на новогоднее дерево, и закутали в полупрозрачное узорчатое покрывало. Теперь невеста была готова к выходу. Держа под руки, полубесчувственную от волнения и усталости девушку вывели во двор и проводили к храму, где уже, в предвкушении зрелища, толпился народ.

Элиссандра шла, словно во сне. Ей казалось, что всё это происходит не с ней, как будто она наблюдает за собой со стороны. Когда девушку вводили в храм, на сторожевой баш-

не ударил колокол. Гулкий низкий звук прокатился по двору и окрестностям, и Эллис невольно вздрогнула. Ей показалось, что это похоронный набат. А все эти люди, толпящиеся во дворе, с любопытством глазеющие на неё, пришли на её поминки. По щекам несчастной побежали слёзы отчаяния, размазывая тщательно нанесённую служанками краску.

Её подвели к алтарю и поставили рядом с женихом. Сквозь мутную ткань покрывала и пелену слёз, Элиссандра не смогла рассмотреть будущего супруга, которого до этого знала только из рассказов. Она увидела высокую сверкающую светлую фигуру – граф, ради торжества, облачился в великолепный белоснежный костюм, расшитый золотыми нитями и украшенный драгоценными камнями, сверкавшими в пламени свечей и священных лампад. Вдруг она почувствовала, как сильные пальцы грубо схватили её за руку, и чуть не вскрикнула от страха. Пространство храма заполнилось гулом голосов и шарканьем ног – это вошли родственники и друзья венчающихся. Появились жрецы и церемония началась. Главный жрец долго читал молитву и произносил заклинания, брызгал на жениха водой и посыпал невесту зерном. Затем им связали соприкасающиеся руки в знак нерушимости семейного союза. Потом жрец начал опрашивать жениха и невесту, как того требовал обычай:

– Ответь нам, Адельфий Лиодот Трейвилт граф Атонианский, согласен ли ты взять в жёны находящуюся здесь девицу Элиссандру Ламас по доброй воле и собственному желанию?

– Да, – ответил граф.

Жрец обратился к невесте.

– Ответь нам Элиссандра Ламас, согласна ли ты стать женой находящегося здесь мужчины Адельфия Лиодота Трейвилта графа Атонианского по доброй воле и собственному желанию?

Эллис сначала и не поняла, что речь идёт о ней, и обращаются к ней, ведь впервые услышала своё полное имя. Рабы не имеют родовых имён, это привилегия свободных людей. А жрец назвал её полным именем – Элиссандра Ламас, и Эллис впервые почувствовала, что в её жизни что-то изменилось...

Не услышав ответа, жрец вынужден был повторить вопрос. Из транса, в который с самого утра была погружена Эллис, её вывела боль. Граф сильно сжал руку девушки, и она невольно вскрикнула;

– Ай!

Из-под покрывала голос прозвучал неразборчиво, и это можно было понять, как «да».

Жрец обрызгал их святой водой, окурил священным дымом и произнёс:

– Властью, данной мне Небом, объявляю вас мужем и женой! Отныне только смерть или воля богов может разлучить вас.

Храмовый хор запел торжественную песнь, и под поздравительные крики присутствующих граф снял с невесты, отныне супруги, покрывало и склонился для поцелуя.

Увидев над собой ужасное, изуродованное, отталкивающее лицо, Эллис задрожала от страха и закрыла глаза. Она почувствовала лёгкое прикосновение к губам, словно прохладный ветерок коснулся разгорячённых летним зноем уст, и невольно открыла глаза и встретила со взглядом супруга... И увидела в них то, что не замечал никто: бездонную неизбывную печаль глубоко несчастного человека. Удивлённая, она вдруг поняла, что граф – самый несчастный среди своих подданных. Поддавшись внезапному порыву, она поднялась на цыпочки и запечатлела лёгкий поцелуй на изуродованных губах. В глазах графа мелькнула искра удивления, но тут же погасла.

Супруг взял Элиссандру за руку и повёл к выходу. Снаружи их встретил восторженный рёв толпы. Остановившись на ступенях храма, граф снял с супруги покрывало и предложил Эллис бросить его в толпу.

– Пусть оно определит, кто будет следующей парой, – сказал он.

Эллис швырнула покрывало группе молодёжи, стоявшей впереди. После небольшой потасовки куски покрывала достались нескольким счастливицам, которые поспешно спрятали их за пазуху.

Сквозь расступившуюся толпу они прошли к белоснежной карете, ожидавшей посреди двора. К ним приблизились друзья и родственники, с поздравлениями и пожеланиями счастья и долгих лет жизни. Первой к Эллис подошла Лю-

силь. Взяв подругу за руки, она грустно произнесла:

– Желаю тебе счастья и любви, Эли... Буду молиться богам и святым покровителям, чтобы твоя судьба сложилась как нельзя лучше.

– Спасибо, – прошептала растроганная девушка.

Граф тактично оставил супругу одну и отошёл в сторону, где его окружили кавалеры и дамы, присутствовавшие на торжестве. Все лицемерно улыбались и поздравляли господина, восхищаясь красотой супруги и его тонким вкусом. А он поглядывал на них безмолвно и свысока.

Но вот к графу приблизилась леди Айскин и сказала, указав на небольшую повозку, ожидавшую у ворот:

– Я сдержала слово, Ваша Светлость. Это приданое Эллис. Никто не скажет, что вы взяли в жёны нищенку...

– Благодарю... – обронил граф. – Я тоже сдержу своё слово: отныне вы мне ничего не должны... По сей день.

– О, благодарю вас, милорд! – просияла леди Айскин.

Граф пристально посмотрел на женщину и его изуродованные губы искривились. Наклонившись, чтобы его слова могла слышать лишь леди, он прошептал:

– За вашу доброту и щедрость, сударыня, я вам воздам тем же... Знайте же, что Элиссандра не дочь вашего покойного супруга. Он был лишь её временным опекуном... Она – плод любви знатного господина и некой заморской аристократки. И я знаю, кто её отец, но вам, конечно же, не скажу. И ещё... Бойтесь гнева этого господина, если он – не приве-

ди господи! – узнает, что его дитя низвели на положение рабыни в вашем доме...

Леди Айскин побледнела и отшатнулась, как от удара. Граф вежливо кивнул и отвернулся, направившись к супруге. Взяв её за руку, сказал:

– Нам пора, миледи.

Эллис, чувствовавшая себя неловко в этой толпе лицемерно улыбающихся людей, которые совсем недавно смотрели на неё свысока, была рада уйти хоть на край света, поэтому с удовольствием укрылась в уютной уединённости кареты.

Усадив супругу, граф выпрямился на ступеньках экипажа во весь свой немалый рост, и его громкий жёсткий голос прекрыл шум толпы:

– Слушайте и запоминайте! Я знаю, что среди вас ходят разные сплетни и кривотолки обо мне и моей супруге. Навсегда забудьте, кем она была, помните лишь, что теперь она графиня Атонианская, моя супруга, а ваша госпожа и повелительница. Впредь следите за своими языками, чтобы они не накликали на вас беду!

Сопровождаемый гробовым молчанием, граф сел в карету, слуга сложил ступеньки, вскочил на запятки, кучер стегнул шестёрку великолепных холёных лошадей, и карета, громяхая колёсами, покатила со двора. За ней тронулась повозка с приданным. А следом, лёгкой рысью, потрусил графская охрана.

Замок Трейвилт – резиденция графов Атонианских – возвышался на горе, господствовавшей над обширной плодородной Атонианской долиной и закрывавшей её от холодных зимних ветров широкой каменной спиной. Это было большое грозное, но не лишённое строгой красоты сооружение. Дорога к нему предстояла долгая и утомительная. Вжавшись в угол кареты, Эллис грустно смотрела на проплывавшие мимо пейзажи, мелькавшие в щели между неплотно сдвинутыми шторками дверного оконца. Граф, откинувшись на мягкие подушки сиденья, молча покачивался рядом, и, казалось, даже не смотрел в сторону супруги, о чём-то угрюмо размышляя и глядя в другое окно. За всё время пути он не произнёс ни слова, и это угрюмое зловещее молчание пугало девушку больше угрожающих слов.

Измученная волнениями последних дней, свадебными приготовлениями и страхами, укачанная ритмичным покачиванием, Эллис незаметно уснула. Проснувшись она, когда колёса кареты гулко загрохотали по деревянному настилу навесного моста над фортификационным рвом. Очнувшись от глубокого беспокойного сна, обнаружила себя в объятиях супруга. Уснув, она склонилась на его плечо, и он, осторожно обняв её за плечи, поддерживал всю дорогу, оберегая от тряски и резких толчков.

Осознав положение, девушка резко выпрямилась и про-

бормотала:

– Прошу прощения, господин...

Глаза супруга гневно сверкнули, но хриплый голос произнёс с необычной мягкостью:

– Эллис, вы уже не рабыня, а я не ваш господин, а супруг. У меня есть два прекрасных имени – Адельфий и Лиодот. Выбирайте, какое вам больше нравится... Но если вам трудно вот так сразу привыкнуть к своему новому положению, можете меня называть хотя бы «милорд». Но не «господин». Чтобы никогда больше я не слышал этого слова!

– Да, г... милорд... Слушаюсь, милорд... – пролепетала смущённая девушка.

Граф тяжело вздохнул и отвернулся.

Карета въехала в верхний двор и остановилась. Прибывших встречала толпа нарядно одетых слуг. Они приветствовали их восторженными криками и осыпали цветочными лепестками. Господин представил подданным и домочадцам графиню и приказал расходиться по местам. Угощение пообещал выставить вечером в нижнем дворе. Довольные слуги тут же разошлись в разные стороны.

Супруг провёл Элиссандру в замок и приказал подавать ужин, так как уже наступил ранний вечер.

Ели в одиночестве, за большим столом в огромной сумрачной комнате, освещаемой лучами заходящего солнца. Граф сидел за одним концом стола, а графиня за другим, напротив. Во время трапезы супруг всё время задумчиво по-

смастривал на молодую жену, и Элиссандре кусок не лез в горло, несмотря на то, что она сильно проголодалась – у неё крошки во рту не было со вчерашнего дня. Страх, немного утихший во время поездки, вновь холодной змеёй вполз в душу. Её повергала в ужас предстоящая ночь... Брачная ночь. Она боялась супруга, но уже не столько из-за уродства или дурной славы, а из-за того, что должно было произойти между ними... Эллис была неискушённой шестнадцатилетней девочкой, воспитанной в строгости и целомудрии. О том, что бывает между мужчиной и женщиной, она знала понаслышке и представляла туманно. Единственное, что она знала наверняка, что должна будет раздеться до сорочки и лечь с супругом в одну постель. И безропотно выполнять всё, что он ей прикажет. Сердобольные стражницы предупредили, что сначала будет очень больно и неприятно, но она должна терпеть и не жаловаться – мужчины этого не любят. Как бы больно или противно ей ни было – она должна покорно сносить все действия супруга – таково её предназначение. Но что конкретно он будет с ней делать – женщины не сказали. И эта неизвестность пугала больше всего.

Стараясь оттянуть этот роковой момент, Эллис нехотяковырялась вилкой в тарелке, стараясь растянуть ужин на как можно более длительное время. Граф уже давно покончил с едой и, откинувшись на спинку стула, цедил вино из большого золотого кубка, мрачно поглядывая на еле жующую супругу.

Наконец он не выдержал и спросил:

– Миледи, вы решили затянуть ужин до завтрака? Не знаю, как вы, а я устал. К тому же, нас ждёт некое небольшое приятное дельце...

Эллис вспыхнула от смущения, и её щёки залил очаровательный румянец.

– Простите... милорд. Я уже заканчиваю... – прошептала она.

– Да уж, постарайтесь, если не хотите, чтобы я уснул за столом.

Кое-как Эллис доела салат и вышла из-за стола. Граф взял её за руку и повёл наверх, в приготовленные молодым покои.

Элиссандру, до этого жившую в крошечной тесной комнатке под крышей, больше похожей на кладовку с висящим над самой головой чёрным закопчённым пыльным потолком, поразили пышность и великолепие графских покоев. Супруг провёл её по помещениям, занимавшим почти половину третьего этажа и состоявшим из более десятка комнат, и сказал, что всё это принадлежит лично ей, Элиссандре Ламас Трейвилт графине Атонианской. Больше всего девушку поразила спальня – огромная светлая комната, посреди которой возвышалась невообразимо большая деревянная резная кровать, укрытая вышитым розовым балдахином. Окна прикрывали бордовые бархатные шторы, а пол покрывал толстый мягкий узорчатый ковёр в красных тонах. К спальне

примыкала большая ванная комната с бронзовой ванной и небольшим мраморным бассейном, возвышавшимся над полом, в который вела деревянная лесенка. Рядом с ванной и спальней находилась гардеробная с высокими шкафами, широкими ларями и отдельными вешалками-подставками для платьев. Здесь же стояли сундуки с приданым.

В других комнатах располагались гостиные, будуар, комнаты для игр и занятий, будущая детская, помещения для служанок и принадлежащих ей рабынь – певиц и танцовщиц. И ещё несколько, предназначение которых было не определено.

Элиссандра смотрела вокруг распахнутыми от изумления глазами и чувствовала себя, словно в сказке.

– Вам понравились комнаты, миледи? – спросил граф, когда они всё обошли и вернулись в спальню. – Если что-то пришлось не по вкусу, вы можете смело это поменять.

– Нет, мне всё очень понравилось! – восхищённо ответила девушка. – Это всё-всё-всё лично моё?

– Ваше, сударыня. Мои покои находятся в другом крыле замка. Завтра вы сможете осмотреть их.

Граф подвёл супругу к большому круглому зеркалу в литой золотой раме, стоящему на низком туалетном столике, и усадил на бархатный пуф.

– Если я больше вам не нужен, я удалюсь... – сказал он. – Мне ещё предстоят некоторые хозяйственные дела. Спокойной ночи и приятных снов, дорогая Эллис.

Он склонился и запечатлел на лбу девушки лёгкий поцелуй.

Сердце Элиссандры радостно вздрогнуло, когда она поняла, что ужасная брачная ночь откладывается. Однако это было удивительно. Возможно, она не так поняла, и граф придёт позже?

– Мне ждать вас? – пробормотала она, потупив взор.

– Зачем? – в голосе графа прозвучало удивление.

– А... – девушка сглотнула слюну, – мои... обязанности...

– Вы говорите о брачной ночи?

Эллис молча кивнула, не глядя на супруга.

– Не сегодня, дорогая... Вы устали, вы боитесь меня. Если я лягу с вами – это будет насилие. Пусть пройдёт немного времени, вы привыкнете ко мне, я к вам. И тогда, если захотите... Спокойной ночи, миледи, – закончил он сухо, повернулся и вышел.

Элиссандра осталась одна, смущённая, растерянная и... счастливая. О да, она была счастлива! Все ужасные сплетни о графе оказались ложью. Он был добрым, тактичным и... милым человеком. Он давал ей время опомниться, прийти в себя, привыкнуть к нему или... смириться.

Эллис взглянула на отражение в зеркале, и впервые счастливая улыбка озарила милое личико. Впервые, за последние годы после смерти лорда Айскина, единственного, кто по-настоящему любил её.

Пробуждение было прекрасным. Эллис, от волнения, долго не могла уснуть, ворочаясь в непривычно мягкой постели на невообразимо огромной кровати. Поэтому проснулась поздно. Служанка уже отдёрнула шторы и открыла окна, впуская в комнату свежий воздух, наполненный запахами цветов из расположенного внизу сада.

Эллис долго нежилась в кровати, наслаждаясь приятными ощущениями гладких льняных простыней, воздушного пухового одеяла, шелковой ночной сорочки, и осознания законной бездеятельности. Не нужно вскакивать и бежать на вызов, дежурить в прихожей, ожидая приказов госпожи, спешить по пустяковому поручению... Теперь она сама госпожа и повелительница человеческих душ.

Откинув полог, девушка опустила ноги на ковёр. Босые ступни утонули в густом ворсе по щиколотку. Прошлёпав к окну, Эллис перегнулась через подоконник и выглянула наружу.

Под окнами раскинулся сад. Листья деревьев трепетали под лёгкими порывами ветра, от огромных клумб исходил душистый аромат, поднимаясь в разогретом воздухе до третьего этажа и выше. На клумбах и аллеях возились садовники, пропалывая сорняки и подметая дорожки. С высоты они казались маленькими трудолюбивыми гномиками. Эллис подняла голову и посмотрела на безбрежное бирюзовое

небо без единого облачка, в котором чёрными штрихами парили горные орлы, высматривая с высоты добычу. Иногда они издавали резкий мелодичный свист, долетавший до земли слабым отголоском.

Дверь отворилась и в комнату заглянула девушка – одна из многочисленных служанок, предоставленных в распоряжение Эллис.

– Доброе утро, госпожа, – склонилась она в глубоком поклоне. – Господин граф прислал узнать, встали ли вы уже... Что мне ответить посыльному?

– Я уже встала, – ответила, смутившись, девушка. – Я нужна милорду?

– Нет, он просил лишь узнать, как вы себя чувствуете и в чём нуждаетесь.

– Скажите, что всё хорошо и мне ничего не нужно...

Девушка кивнула, снова поклонилась и исчезла за дверью. Через минуту в спальню вошла другая служанка, постарше, тоже поклонилась и пожелала графине доброго утра. Она сообщила, что её зовут Мариса Медрен и что она старшая камеристка. Затем спросила, что госпожа предпочитает: умыться, принять ванну или сполоснуться в бассейне? Такой богатый выбор водных процедур слегка сбил девушку с толку, и она ответила первое, что пришло на ум:

– Бассейн!

Она никогда не мылась даже в настоящей бронзовой ванне, не то, что в шикарном бассейне.

Они прошли в ванную комнату и Эллис, скинув сорочку, поднялась по лесенке и окунулась в ароматную прохладную воду. По поверхности плавали алые лепестки роз, вероятно, насыпанные туда ещё с вечера. Они напитали воду цветом и ароматом, отчего она стала чуть розоватой и душистой.

Эллис плескалась, как ребёнок, пока не замёрзла. Дрожащая и взбодрённая, она покинула бассейн и попала в объятия служанки, которая закутала её в тёплую мягкую простыню, осушила тело и волосы, а затем набросила на плечи другую, сухую простыню. Они прошли в гардеробную, где камеристка помогла ей выбрать платье и одеться. Затем она проводила госпожу в спальню, к зеркалу, и уложила чуть влажные волосы в простую, но изящную причёску. Напоследок подала ей большой веер из мягких цветных перьев.

– Что госпожа желает теперь? – спросила она.

Эллис восхищенно посмотрела на своё отражение, повернулась одним боком, вторым, проверяя, как сидит чудесное платье из голубого мягкого шёлка, оттеняя блеск её прекрасных сапфировых глаз. Камеристка с лёгкой полуулыбкой наблюдала за юной госпожой.

– Я могу что-нибудь поесть? – спросила Эллис, налюбовавшись собственным отражением.

– Прикажете подать завтрак?

– Да... приказываю.

– В столовой или здесь?

– Э... В столовой. Проводите меня туда... Я ещё не за-

помнила все комнаты.

Камеристка слегка поклонилась и обронила:

– Следуйте за мной, графиня.

Они прошли в небольшую комнату, обставленную, как столовая: большую часть занимал круглый стол, накрытый узорчатой скатертью, вокруг которого были расставлены с десяток изящных стульев, под стеной – буфет, заполненный золотой, серебряной и фарфоровой посудой, между двух высоких узких окон – шкаф-лифт, на котором поднимали горячие блюда из расположенной на первом этаже кухни.

Эллис опустила на услужливо подставленный стул и попросила принести попить.

– Что госпожа желает: сок, чай, вино? – уточнила камеристка.

– Сок, пожалуйста...

Служанка вышла, но вскоре вернулась с подносом, на котором стоял фарфоровый кувшинчик и стеклянный кубок, обрамленный в червонное золото. Поставив кубок перед госпожой, сняла с кувшинчика крышечку и налила в посуду тёмно-оранжевую жидкость.

– Это сок цитринов, миледи.

Эллис с наслаждением выпила приятный кисловато-сладкий напиток, превосходно утолявший жажду. Раньше ей изредка доставались цитрины – в основном, подгнившие или недоеденные Люсиль. Но сок она пила впервые. Божественный напиток!

– Нести завтрак, госпожа?

– Да.

Камеристка вышла и через несколько минут в столовую вошли две девушки, несшие накрытые салфетками подносы. Спустя минуту, перед Эллис стояли печёные яйца, ароматная, нарезанная тонкими ломтиками ветчина, свежие тёплые булочки, фруктовый салат и орехи, варёные в меду. Служанки сервировали стол и удалились, отвесив госпоже почтительные поклоны. Марис осталась, встав у двери.

Эллис придвинула тарелку с яйцами и взглянула на камеристку.

– А господин граф уже завтракал?

– Да. Милорд встаёт очень рано. После завтрака он объезжает поместье. Он недавно вернулся.

– Тогда... позовите его, пожалуйста... Если он не занят, конечно.

– Слушаюсь, госпожа, – присела в поклоне камеристка и вышла. Вернулась она через минуту.

– Я послала за господином Луир, вашу вторую камеристку.

Она уже приступила к десерту, когда в комнату вошёл супруг. Девушка тут же вскочила и склонилась в низком поклоне. Граф ответил ей вежливым кивком, обнял за плечи и поцеловал в лоб.

– Доброе утро, сударыня. Как спалось?

– Прекрасно, милорд, – стараясь не смотреть ему в лицо,

ответила девушка.

– Вы меня хотели видеть?

– Я... хотела с вами поговорить.

– Я весь внимание, дорогая.

– Не разделите со мной трапезу?

– Спасибо, я уже завтракал. Разве что, выпью немного вина.

Он сел напротив супруги, вытянув и скрестив длинные ноги. Начищенные до блеска сапоги скрипнули, соприкоснувшись. С приходом графа к ароматам еды примешались терпкий запах конского пота, сапожного крема и мускусных благовоний. Этот «букет» весьма понравился девушке.

Эллис посмотрела на камеристку и приказала:

– Принесите господину вина, пожалуйста.

– Какого, осмелюсь спросить?

– Лёгкого, игристого, – ответил граф.

Служанка поклонилась и выскользнула за дверь.

Когда они остались одни, граф посмотрел на девушку и произнёс:

– Миледи, разрешите сделать вам несколько замечаний...

Эллис поперхнулась орешком и виновато посмотрела на супруга.

– Я сделала что-то не так?..

– Поймите, дорогая Эллис. Вы уже не служанка, не рабыня... Вы – госпожа. Графиня Атонианская. На «вы» и вежливо вы можете говорить только с равными. Слугам нужно

говорить «ты», и никаких «пожалуйста». Вы приказываете, они исполняют. Если они ленятся, наглеют или воруют – их наказывают.

– Простите, милорд... Я ещё не привыкла. Я постараюсь поступать так, как вы говорите, – пристыжено пробормотала девушка.

Граф встал, приблизился к супруге, взял её за плечи и поднял. Заглянув в голубые чистые глаза, мягко произнёс:

– Не извиняйтесь, моя милая Эллис. Я ведь вас не ругаю, а помогаю освоиться в вашей новой роли. Это трудно, но я прошу вас постараться. Я хочу, чтобы вы как можно скорее забыли о своём прошлом и почувствовали себя настоящей госпожой Атонианской долины.

– Я буду стараться, милорд, – искренне пообещала девушка.

– Так о чём вы хотели со мной поговорить?

Но ответить Эллис не успела. Вошла Марис с подносом. Она подала господину кубок и запечатанную бутылку. Здесь же, на подносе, лежал штопор. Граф вытянул из бутылки пробку, налил в кубок пенящийся напиток, и взглянул на супругу.

– Вам налить, дорогая? Рекомендую: довольно хорошее лёгкое вино.

Эллис кивнула и подставила кубок. Граф наполнил его до краёв и взглянул на камеристку.

– Оставьте нас, – обронил.

Девушка тут же исчезла.

Пригубив вино, Эллис сказала:

– Я слышала, вы встаёте очень рано.

– Привычка. Встаю на рассвете и объезжаю владения. Не все, конечно, в основном, окрестности замка.

– А... не могли бы вы взять и меня... на прогулку?

– Вы умеете ездить верхом?

– Нет...

– Тогда я прикажу приготовить для вас двуколку. Перед обедом мы поедем на прогулку. Я покажу вам окрестности Трейвилта.

– Чудесно! – обрадовалась Эллис. Она отхлебнула вино и робко взглянула на ужасающее лицо супруга. Удивительно, но сейчас оно не показалось ей таким ужасным, как прежде. – А чем мне заняться сейчас, милорд?.. Видите ли, в доме леди Айскин я постоянно была занята каким-либо делом... А сейчас... Простите милорд, но я не знаю, что мне можно, а чего нельзя, чтобы не ставить в неловкое положение ни себя, ни вас.

– Да, это проблема... – задумался граф. – Вам нужен учитель этикета. Я постараюсь подыскать вам такого, как можно скорее. А пока... Ну, прогуляйтесь в саду, по замку. Вы ведь почти его не видели.

– Я могу ходить одна или в сопровождении кого-либо?

– Лучше, в компании камеристок и парочки слуг с крепкими кулаками... Для защиты от непредвиденных обстоя-

ательств. Хотя мои слуги вышколены, но солдаты бывают весьма грубы.

– Куда мне не следует заходить?

Губы графа зловеще изогнулись, но в глазах появились весёлые искорки, и Эллис поняла, что он улыбается.

– Учитель этикета ответил бы, что высокородной леди нечего делать на хозяйственном дворе или в бараке рабов, но я вам скажу: идите, куда хотите! Хорошая хозяйка должна досконально знать свой дом. Чем лучше вы его узнаете, тем легче вам будет им управлять. Я ведь женился не для того, чтобы любоваться вашей восхитительной красотой (хотя это занятие мне весьма по душе), а для того, чтобы дать этому дому хозяйку.

Подняв от кубка глаза, Эллис взглянула на супруга. Он глядел на неё, их взгляды встретились. В чёрных глазах графа светились ирония, лёгкая грусть и... любовь. Да, этот ужасный с виду человек, гроза подданных и герой страшилок, определённо испытывал к юной супруге некие нежные чувства. Понимание этого придало Эллис смелости, и она, несколько неожиданно даже для себя, попросила:

– Милорд, разрешите задать вам один вопрос...

– Спрашивайте, дорогая.

– Почему вы женились на мне? Ведь вы могли выбрать девушку из любой благородной семьи. Например, леди Люсиль Айскин... Она красива, умна, хорошо воспитана и благородна.

Граф медленно поставил кубок и его глаза стали холодными и непроницаемыми, как два полированных агата. Эллис испугалась, что коснулась темы, которой не следовало касаться, чем рассердила супруга. Но когда он заговорил, голос его был спокоен.

– Когда-нибудь я отвечу на ваш вопрос, но не сегодня...
Согласны?

– Да, милорд, – покорно склонила голову девушка, радуясь, что не попала в немилость.

– А сейчас я вас покину, – встал граф. – У меня есть неотложные дела.

– Да, конечно, милорд, – вскочила Эллис, едва не опрокинув стул. – Простите, что задержала вас.

– Пустяки... Мне приятно ваше общество. Встретимся перед обедом, на прогулке. Я пришлю за вами слугу.

5

После ухода супруга Эллис несколько минут стояла у окна, глядя во двор, успокаиваясь и приводя мысли в порядок. Она была совсем ещё юной, но неглупой девушкой. Эта недолгая и непринуждённая беседа с графом дала некоторую пищу для размышления незрелому, но пытливому уму. Пока она поняла одно: граф – не монстр, каким его описывали злые языки. Он страшен только внешне. И он испытывает к ней, своей супруге, нежные трепетные чувства, возможно, даже любит. Иначе, как объяснить его доброжелательность,

терпение и потакание её неуклюжести и простоте? А если это так, то нечего бояться с его стороны насилия или грубости. Хватит дрожать при его появлении, пора начинать избавляться от своих рабских привычек, как и советовал граф.

Эллис решительно открыла дверь и вышла в коридор. Мариса Медрен и ещё несколько девушек-служанок толпились в дальнем конце, о чём-то негромко переговариваясь. Возможно даже, обсуждая свою госпожу. При появлении графини они мгновенно умолкли и склонились в глубоком поклоне.

– Мариса! – требовательно произнесла Эллис и небрежно взмахнула рукой, подзывая камеристку. – В комнату отдыха!

Служанка провела её в одну из комнат. Эллис опустилась в кресло у камина, сев лицом к двери, и приказала:

– Позови остальных. Я хочу познакомиться с вами поближе.

Когда девушки впорхнули притихшей стайкой и столпились у порога, Эллис окинула их внимательным взглядом, отметив, что все служанки, как одна, старше неё на несколько лет.

– Я хочу, чтобы вы все представились, назвали должность, сказали, сколько вам лет, кто ваши родители и как давно служите в замке, – приказала она. – Начнём с тебя, Мариса.

Девушки одна за другой выходили вперёд, делали книксен и представлялись. Так Эллис узнала, что её прислужницы все из хороших уважаемых семей, и приняты в замок неза-

долго до женитьбы хозяина. Ещё на службе у графини были несколько рабынь – певицы, танцовщицы и музыкантши. Эллис обратила внимание, что девушки без ошейников. Вместо них на левой руке каждой красовался широкий серебряный браслет с графским гербом.

Разглядывая служанок и слушая их рассказы, Эллис обратила внимание на одну девушку, рабыню по имени Алька, певицу и музыкантшу. Она была всего на год старше, бойкая и весёлая. Эллис невольно запомнила её и решила позже познакомиться поближе. Возможно, они смогут подружиться... Хотя девушка была в замке всего лишь второй день, но уже чувствовала некоторое одиночество, вырванная из привычного круга, оторванная от подруг и знакомых. Возможно, графине и не пристало дружить с рабыней, но кто её за это упрекнёт? Камеристки? Служанки? Пусть только посмеют...

Позвав с собой Марису, Луир и Омелию – трёх камеристок – графиня отправилась на обход «владений». Начать решила с покоев графа, ведь вчера он говорил, что она может их осмотреть сегодня.

Комнаты супруга отличались скромностью, если сравнить их с роскошной обстановкой покоев графини. Кабинет, гостиная, спальня, столовая, комнаты слуг – вот и все помещения, которые занимал всесильный граф Атонианский. Везде стояла добротная крепкая мебель из тёмного лакированного дерева. На стенах висели гобелены на военную тематику. Ковров на полу нигде не было, даже в спальне. Кстати, спаль-

ня была самым примечательным местом на половине графа. Огромная комната, главной достопримечательностью которой был великолепный мраморный камин, над которым висела замечательная коллекция оружия. Рядом с камином, поближе к порталу, стоял диван, обтянутый шёлковой узорчатой тканью. У единственного витражного окна, пропускающего в помещение приглушенный разноцветный свет, расположился широкий, заваленный бумагами стол. Небольшое, в сравнении с кроватью графини, ложе скрывалось за высокой цветастой ширмой. Всё остальное сумрачное пространство было пустым и свободным – хоть на коне скачи!

Удовлетворив любопытство, Эллис проследовала дальше. Везде, где появлялась графиня, слуги отвешивали ей низкие поклоны, а рабы становились на колени. Эти выражения почтения и покорности вначале смущали девушку, но потом она перестала обращать на них внимания, отвечая небрежным кивком или мимолётным взглядом. Больше всего ей понравилось приветствие графских дружинников. При появлении госпожи они вытягивались в струнку и гаркали во весь голос:

– Слава графине Атонианской!

Офицеры рассыпались в любезностях, отпускали неуклюжие комплименты и лобызали девушке ручки, чем приводили её в смущение. Чтобы скрыть его, Эллис прикрывала лицо веером и прятала глаза за полуопущенными длинными густыми ресницами.

Замок Трейвилт поразил её своей величиной и великолепием. Когда-то казавшийся прекрасным, дом леди Айскин представлялся жалкой лачугой против графского дворца. Его высокие стройные башни вздымались до небес, крепостные стены выглядели неприступными, постройки – вечными. До обеда Эллис успела осмотреть лишь малую его часть. После прогулки по живописным окрестностям и обеда с графом, она продолжила экскурсию уже в сопровождении супруга. К вечеру девушка так устала, что без сил свалилась на мягкую перину и уснула, как убитая.

6

Прошло несколько декад. Эллис уже немного освоилась с ролью графини и госпожи, но никак не могла заставить себя обращаться со слугами высокомерно и пренебрежительно. Хотя больше не говорила им «вы», но «спасибо» и «пожалуйста» ещё проскальзывали в её речи.

Граф относился к девушке благосклонно, выполнял все просьбы и пожелания, не надоедал присутствием. Но между ними так и не состоялись настоящие супружеские отношения. Мужчина вёл себя не как супруг молодой очаровательной и соблазнительной женщины, а, скорее, как заботливый отец. Впрочем, такое положение вещей вполне устраивало Элиссандру. Хотя она уже совершенно не боялась графа, могла спокойно и без отвращения смотреть на изуродован-

ное шрамами лицо, но ещё не могла принять его, как мужчину. Слишком юна и неискушенна она была. Близость её пугала. Даже, если бы на месте графа вдруг оказался прекраснотолкий богоподобный молодой человек, она всё равно бы отказалась разделить с ним ложе, будь у неё такой выбор.

За прошедшие дни Эллис полностью освоилась в замке. Обладая пытливым умом и превосходной памятью, она почти досконально изучила все его самые потаённые закоулки, хитроумные переходы и запутанные лабиринты покоев. Особенно полюбился девушке сад: маленький, уютный, тенистый, изобилующий цветниками и роскошными клумбами, источающими изумительные, нежные, сладкие ароматы. Часто и подолгу она гуляла его прохладными аллеями, отдыхала на мраморных лавочках у фонтана в центре, собирала букеты из великолепных ярких цветов невообразимых форм и расцветок. В прогулках графиню сопровождали все три камеристки или одна рабыня Алька, с которой девушка незаметно сдружилась. Певица обладала весёлым беззаботным характером, любила поболтать, и знала безмерное количество смешных житейских и выдуманных историй. В её компании Эллис никогда не было скучно. Алька никогда не унывала, несмотря на своё положение. Она с рождения была рабыней. И её родители были рабами, и родители родителей тоже пребывали в неволе. В пять лет девочку забрали от матери и отдали в специальную школу, где хорошеньких и способных детей обучали танцам, пению, игре на музыкальных

инструментах и ублажению мужчин и женщин. Когда ученики подрастали, их продавали в качестве актёров в богатые дома или гаремы знатных господ. Граф приобрёл Альку на рынке, а до этого она служила у одного купца, который внезапно разорился, и его имущество распродали с молотка.

Судьба рабыни тронула сочувствующую душу Эллис. Ведь, если бы не прихоть графа, она могла бы тоже стать бесправной игрушкой в чужих руках. В долгие вечерние часы, когда делать было нечего, Эллис и Алька закрывались в спальне графини, и рабыня учила госпожу игре на китане или делилась секретами любовного мастерства. Эллис чувствовала, что поступает не так, как подобает благородной даме, но ей было интересно, и она продолжала тайные занятия.

Как-то раз Эллис и Алька прогуливались в саду. Графиня была в лёгком домашнем платье, и после наступления сумерек почувствовала, что стало прохладно. Не желая возвращаться, она послала рабыню за тёплой накидкой, а сама присела на скамейку, ожидая её возвращения. Тихо шелестели листья под лёгкими порывами вечернего ветерка, сладко пахли фиалки, начавшие раскрывать серебряные цветочки навстречу ночной прохладе, в кронах щебетали птички, устраиваясь на ночлег. Эллис сидела умиротворённая и расслабленная...

Сзади послышались шаги. Эллис подумала, что это вернулась Алька, и, не оборачиваясь, произнесла:

– Ты быстро... Набрось её на плечи.

– Простите?.. – прозвучал мужской голос.

Эллис вздрогнула и резко обернулась. Рядом со скамьёй стоял невысокий стройный мужчина лет тридцати. Его лицо показалось девушке знакомым, и через минуту она вспомнила, что это управляющий поместьем, Гилт Тартин. Она встречалась с ним пару раз, не больше, и то, мимоходом. Не вмешиваясь в хозяйственные дела, которыми занимался исключительно супруг, девушка была малознакома с той категорией слуг.

– Господин управляющий? – удивлённо спросила она.

– Я, миледи, – чуть склонил голову мужчина. – Вы позволите?

Тартин сделал движение, словно хотел присесть на скамейку рядом с госпожой. Но Эллис резко воскликнула:

– Нет! Нет-нет!

– Почему? – удивился мужчина. – Вы боитесь, что я вас укушу? – неуклюже пошутил он.

Управляющий был не только молод, но и весьма хорош собой: красивое лицо, прекрасная фигура, чарующий голос... Но что-то во взгляде и поведении этого молодого человека не понравилось Эллис. Некая нагловатая развязность и самодовольство сквозили в каждом его движении и слове. Девушка вспомнила подобных ему красавчиков – слуг и «благородных» сынков, которые не давали ей прохода в замке леди Айскин, приставая с глупыми, а иногда гнусными предложениями, преследовавшими своим назойливым внимани-

ем и блудливыми руками, и почувствовала к управляющему внезапную антипатию.

– Оставьте меня в покое, – холодно ответила она. – Ступайте по своим делам.

– Не будьте такой букой, сударыня, – нагло усмехнулся мужчина. – Вам это не идёт. Нельзя хмурить такое милое личико, а то на нём появятся мерзкие морщины, и оно станет таким же некрасивым, как у вашего супруга.

Эллис даже опешила от такой наглости. Вскочив, она повернулась к наглецу лицом и гневно произнесла:

– Да как ты смеешь, животное, оскорблять своего господина?!

– Ой, да ладно! – нисколько не испугался Тартин. – Что это вы так завелись? Можно подумать, что вы любите этого урода. Вас, наверное, воротит от его рожи! Неужели вам не хочется видеть рядом более приятное лицо?

– Ты... Ты... – Эллис слов не находила от возмущения. – Как ты смеешь говорить при мне подобные вещи?! Немедленно убирайся! Пошёл вон, мерзкий пёс! Я расскажу Его Светлости, как ты о нём отзывался! – Эллис даже ножкой притопнула от гнева.

Нагловатые глаза управляющего потемнели. Перемахнув через скамейку, он навис над девушкой и схватил её за руку, больно сжав предплечье.

– Ну, ты, красотка, – зло прошипел он. – Не зазнавайся! Давно ли ты стала госпожой? Я слышал, не так давно,

ты штопала чулки юной леди Айскин и выносила её ночные горшки... Так что поумерь свой пыл и прикуси язычок, а то не посмотрю, что ты моя госпожа, а подстерегу в тихом уголке и надаю по одному месту... Или расскажу всем в замке, что ты слаба на передок, и даёшь не только слугам, но и рабам...

Эллис побледнела, на глазах выступили слёзы. Она не столько испугалась угроз наглеца, сколько её обидел его намёк на её прошлую жизнь. Ведь этот мерзавец был в некоторой степени прав. Сколько бы граф ни твердил о её теперешнем высоком положении, для тех, кто её знал, она оставалась рабыней и прислугой!

– Что же вы примолкли, сударыня? – с насмешкой произнёс мужчина, отпуская руку девушки и отступая. – Потеряли голос?

7

– Я за неё отвечу, – вдруг прозвучал хриплый голос графа, и высокая фигура выступила из сумрака сада. Ужасающий лик, как всегда, был неподвижен, но чёрные и мрачные, как бездна преисподней, глаза метали молнии ярости. В голосе звучали стальные нотки обнажающегося клинка. – На этот раз ты зашёл слишком далеко, мой маленький Гилт... Я прощал тебе многие проказы, но не мог и подумать, что ты решишься оскорбить мою супругу и свою госпожу!

– Ваша Светлость... – пролепетал изумлённый и перепуганный мужчина, отступая от приближающегося господина. – Простите... Я... Я не хотел оскорблять госпожу... Не знаю, что на меня нашло...

– И не узнаешь никогда! – воскликнул граф и ударил мерзавца по лицу. Удар был такой силы, что с громким хрустом сломалась челюсть, и голова управляющего откинулась назад, едва не оторвавшись от шеи. Он попятился и упал бы, но граф схватил его за грудки левой рукой, а правой выхватил кинжал из поясных ножен и полоснул по шее. Брызнула кровь из перерезанной артерии, раздались ужасные звуки – хрип и бульканье вскрытого горла. Граф вытер о камзол мертвеца кровь с лезвия и отшвырнул мёртвое тело. Шокированная произошедшей быстрой и жестокой расправой Элиссандра с ужасом взирала на супруга. Он вдруг предстал перед ней с другой, жестокой, стороны.

Спрятав кинжал в ножны, граф подобрал со скамейки накидку, отброшенную им минуту назад, и заботливо укутал дрожавшую не столько от холода, сколько от пережитого волнения супругу.

– Простите, дорогая, что наказал этого негодяя на ваших глазах, но я не смог удержаться... Этот мерзавец посмел оскорбить вас! Более того, притронуться к вам своими мерзкими лапами!.. – в голосе графа всё ещё звучала сдерживаемая ярость. – Он наклонился, заглянул в блестящие следами глаза и почти прорычал: – Эта скотина заставила вас

плакать!

– Но вы убили его... – прошептала Эллис дрожащими губами.

– Он ещё легко отделался!

– Можно было его наказать... По-другому... Не убивая...

– Лучшей альтернативой смерти ему было бы распятие на крепостной стене, – мрачно изрёк граф. – У вас доброе и нежное сердце, дитя моё, но примите ещё один дружеский совет: никогда не прощайте оскорблений, если можете на них ответить... Пока вы не научитесь этого делать, я буду вашим защитником.

– Но, милорд!.. Убивать человека всего лишь за оскорбительные слова...

– Это не просто оскорбительные слова, это намеренное унижение... Более того, он угрожал вам!

– Но он не сказал неправды... – Из глаз Эллис хлынули слёзы обиды и огорчения. Уткнувшись в широкую грудь супруга, она затряслась от рыданий, невнятно бормоча в бархат камзола: – Ведь это правда, правда!.. Я рабыня, безродная приживалка, бастарда и подкидыш!.. Я штопала чулки и носила горшки, и, сколько бы вы ни говорили всем и каждому, что теперь я графиня, дама и госпожа, никто и никогда не забудет, кем я была!..

– Дитя моё... Девочка... Элис... – бормотал обескураженный граф, неуклюже глядя супругу по спине. – Не плачьте... Вы разрываете мне сердце... Выслушайте меня, милая де-

вочка...

Граф подхватил супругу на руки, сел на скамью и посадил всё ещё рыдающую и жмущуюся к нему девушку на колени. Прижав одной рукой вздрагивающее тело к груди, другой рукой, жёсткой ладонью воина, он ласково гладил волосы и мокрое личико.

– Выслушайте меня, – повторил он. – Сейчас я вам расскажу то, о чём не знает никто в Атониане... Много лет я скитался на чужбине, служил разным королям, лордам и герцогам, правителям всех мастей... Воевал, побеждал и проигрывал. Несколько раз я попадал в плен и становился рабом... Да, я был рабом, и не единожды! Эти ужасные раны на лице остались после второго плена... Тогда я три года был рабом и носил бронзовый ошейник. Меня сделали гладиатором и отправили на арену драться с дикими зверями на потеху вельможам и черни. Один из боёв я проиграл... Гиззард располосовал мне лицо, и, если бы не товарищ-напарник, загрыз бы меня насмерть. Я чудом выжил, но остался уродом на всю жизнь... С тех пор я ненавижу гладиаторские бои и рабские ошейники. Вы знаете, что мои рабы не носят их.

– Да... – прошептала притихшая девушка, с любопытством слушая рассказ графа.

– Я рассказал это, милая Эллис, чтобы вы поняли: быть в прошлом никем – не постыдно. Неважно, кем ты был, важно, кто ты есть сейчас. Наш мир так устроен, что никто не может чувствовать себя в нём в безопасности, и кичатся сво-

им высоким положением только глупцы. Сегодня ты господин – завтра можешь стать рабом. И наоборот... Боги играют судьбами людей, как дети цветными кубиками, складывая их и переставляя. Не нужно стыдиться прошлого – гордись настоящим!

Граф склонился и легко коснулся губами сначала одного, затем второго глаза супруги, осушая слёзы.

– Идёмте, дорогая, я отведу вас в ваши покои...

После этого вечера что-то перевернулось в душе девушки. Она как бы повзрослела, словно покров прошлого сполз с неё, как сбрасывают отслужившую кожу змеи. Эллис обрела уверенность, которой так не хватало ей раньше. И ещё одно чувство пробудилось в душе девушки: в ней проклюнулись первые ростки любви к супругу.

8

Несколько месяцев пролетели незаметно. Эллис училась этикету, танцам, искусству вести светские беседы. Граф хотел «вывести» супругу «в свет», устроив грандиозный бал в честь её для рождения.

Попутно Эллис старалась всеми силами обольстить собственного супруга, но у неё, к великому огорчению и недоумению, ничего не получалось. Как-то раз она даже рискнула появиться перед ним в полупрозрачной ночной сорочке, но граф поспешно отвёл глаза и покинул её под каким-то на-

думанным предлогом. Их отношения не заходили за рамки дружеских, упорно не желая переходить в разряд супружеских. Граф всё так же продолжал опекать и защищать супругу, был к ней неимоверно добр и внимателен, но не более. Хотя до внимательных ушей графини начали доходить слухи о какой-то смазливой служанке, которой граф оказывал повышенное внимание. Девуцу заметили, и не единожды, выходящей из спальни господина в несколько растрёпанном и возбуждённом виде. Эллис испытала непривычное чувство ревности, и она тут же решила расставить все точки над «и». В конце концов, она законная супруга или нет?! Так почему граф так упорно отказывается исполнять свои супружеские обязанности? Прошло достаточно времени, они давно уже привыкли друг к другу, и только слепой не заметит любовь и восхищение, сияющие в глазах девушки при виде графа! Наученная и подготовленная рассказами и откровениями Альки, Эллис уже не боялась ни первой близости, ни физического контакта с мужчиной. У девушки теперь была одна мечта и единственное желание: зачать и подарить супругу сына. А как это сделать, если он ни разу даже не поцеловал супругу по-настоящему, не говоря уже о других, более интимных вещах?!

Однажды Эллис устроила торжественный ужин с музыкой, танцами и песнями рабынь. Позвала супруга. Графу мероприятие очень понравилось, и он выразил желание ещё раз побывать на подобном приёме пищи. Через декаду де-

вушка снова пригласила графа. После изысканных блюд и вычурных напитков, над рецептами коих Эллис колдовала совместно с камеристками и поварами, выступила Алька, любимая рабыня графини. Она спела пару новых песенок и станцевала эротичный танец. Эллис заметила, с каким вниманием граф смотрел на изгибающуюся рабыню, как похотливо засверкали его глаза, и участилось дыхание. Сердце девушки пронзил укол ревности. Да что ж это такое?! Он пускает слюни на какую-то рабыню и совсем не смотрит на сидящую рядом супругу!

Вскочив, Эллис внезапно громко крикнула:

– Вон! Пошли все вон!

Музыка тут же стихла, музыкантши побросали инструменты и поспешили к двери. Алька, прерванная в самый интересный момент, с недоумением посмотрела на госпожу, но не посмела послушаться.

– Что случилось? – не понял граф.

Эллис стояла перед ним, немного смущённая и сердитая. Не отвечая ни слова, приблизилась, раздвинула ноги супруга и опустилась между ними на колени. Граф, не понимая, смотрел на девушку. Эллис положила руки ему на пояс и начала его нетерпеливо расстёгивать. Граф нахмурился.

– Что вы делаете, миледи? – хрипло спросил он.

Не отвечая, Эллис продолжила манипуляции. Не справившись с поясом, она положила ладошку на бугорок, предательски выпиравший из-под бархата штанов, и начала его

массировать, как когда-то учила её Алька. Другой рукой она полезла себе за пазуху и освободила юную прекрасную грудь.

У графа чуть челюсть не отвисла от удивления, а глаза просто полезли на лоб. Его лицо тут же налилось кровью, отчего шрамы стали отвратительного синего цвета, придав и без того ужасному лицу просто жуткое выражение. Он взмахнул рукой и залепил супруге звонкую пощёчину. Оттолкнув её, он вскочил с места и возмущённо закричал:

– Что вы себе позволяете, сударыня?!

Напуганная его грозным видом, яростью и пощёчиной, Эллис лежала на полу, растерянно хлопая глазами и не понимая, за что её ударили. На глазах девушки тут же выступили слёзы боли и обиды. За что? Разве она не вправе оказывать супругу подобные знаки внимания? Разве что он совсем не любит её! Зачем, зачем тогда он женился? Что это за странная прихоть? Разве она не супруга? Или просто игрушка в его жестоких бездушных руках?

Не понимающая, растерянная, униженная, Эллис тихонько заплакала, глядя на супруга снизу вверх несчастными глазами побитой собаки.

9

Кровь отхлынула от лица графа. Он побледнел и резко отвернулся. Кулаки его сжались и расслабились. Вернувшись к супруге, он поднял её и прижал к груди.

– Простите, простите, дитя моё... Простите мою вспыльчивость... – прошептал он, глядя девушку по волосам. – Я не смел вас бить... Это я виноват, это моя вина...

– Вы не любите меня... Не любите, – всхлипывая, пробормотала девушка. – Вы... спите с другими женщинами, смотрите на них жаждающим взглядом, а я... ваша супруга... Вы ни разу не посетили мою спальню, не сделали меня женщиной, не скрепили наш союз моей девственной кровью... Зачем... Зачем вы женились на мне?

Граф застыл, как каменный истукан, и только сердце гулко билось в широкой груди.

– Вы любите меня? – тихо прошептал он, спустя минуту.

– Да! – искренне ответила девушка.

– И вас не отталкивает моё уродство?

– Я не замечаю его... Для меня вы самый лучший, самый добрый, самый прекрасный мужчина на свете! Я хочу стать вашей настоящей женой, родить вам сына, любить вас, как мужчину! Но вы... вы не любите меня...

– О, боги... – почти простонал мужчина и так сильно прижал Эллис к груди, что чуть не удушил. – Я не думал, что так получится!

И столько в этом возгласе было горечи и страдания, что Эллис перестала плакать, вывернувшись из объятий и с удивлением взглянула в лицо супруга.

– Элли, дитя моё, – продолжил он, глядя в глаза девушки. – Видимо, пришло время раскрыть вам тайну...

Помните, ещё на первом завтраке, на другой день после свадьбы, вы спросили, почему я женился на вас, если мог выбрать любую другую девушку? – Эллис кивнула. – Теперь я отвечу на ваш вопрос... Присядем.

Они опустились в кресла, и граф продолжил, сцепив пальцы и положив руки на колени.

– Когда-то давно я полюбил одну женщину... Я привёз её из другой страны, похитив из дома и сделав наложницей. Она была знатного, но обедневшего рода, и поехала со мной не по принуждению, а по любви... Больше года длилась наша любовь. Мои родители настаивали, чтобы я женился, но, ослеплённый любовью, я не желал даже смотреть на других женщин. Отец узнал, из-за кого я отказываюсь от выгодных предложений, и очень рассердился... К тому времени моя возлюбленная уже ждала ребёнка и вот-вот должна была родить. Я, опасаясь за её жизнь и жизнь нашего будущего ребёнка, поручил любимую лучшему другу – лорду Айскину. Он спрятал её в своём городском доме, где она благополучно родила девочку, которую мы называли Элиссандра... Да, Элли, вы – моя дочь. Но когда вам едва исполнился месяц, ваша мать неожиданно и тяжело заболела и вскоре умерла. Вне себя от горя и, чтобы скрыться от продолжавших настаивать на женитьбе родных, я покинул страну, отправившись в чужие края. Лорд Айскин клятвенно заверил меня, что присмотрит за вами и будет любить не меньше, чем собственных детей... Я не знал, Элли, что вы станете рабыней в доме человека,

которого я считал лучшим другом!

– Лорд Айскин любил меня до самой кончины... – прошептала поражённая услышанным девушка. – Возможно, он был единственным, кто меня там любил... И, по-видимому, так рьяно охранял вашу тайну, что даже не намекнул супруге о моём истинном происхождении... Но, если я ваша дочь, зачем же вы на мне женились?!

– Судьба сложилась так, что я не смог скоро вернуться на родину и узнал о вашей судьбе слишком поздно. Лорд Айскин заверил меня, что вы живёте в хороших условиях и воспитываетесь с его детьми. Поэтому я снова покинул родину, так как графом Атонианским в то время был мой старший брат, с которым мы не очень ладили, да и родители были живы. Когда я навсегда вернулся домой, приняв бразды правления после смерти брата, то сразу же подумал о вас. Я хотел немедленно вас забрать и удочерить по закону, но потом, по зрелому размышлению, переменял своё решение... Видите ли, дитя моё, наши законы так запутанны, а у меня столько завистников и недоброжелателей при дворе, что наше родство могли оспорить. К тому же трудно было бы что-либо доказать в отсутствие двух главных свидетелей – вашей матушки и лорда Айскина. И я пошёл более простым и надёжным путём – женился на вас. Став графиней Атонианской, вы сразу получали то, чего были лишены с рождения: титул, богатство, власть, уважение... Теперь вы понимаете, дитя моё, что я не могу любить вас, как мужчина любит жен-

щину. Но я всем сердцем люблю вас, как дочь.

Услышанное поразило Эллис в самое сердце. Да и кто бы не удивился, узнав вдруг, что она супруга собственного отца!

– Святые Небеса, милорд... – прошептала изумлённая девушка, – Зачем было это делать? Если вы хотели мне добра, можно было просто забрать меня в свой дом...

– В качестве кого? – нахмурился граф. – Служанки? Приживалки? Содержанки? На потеху черни и вассалов? Нет! В вас течёт благородная кровь двух знатных родов! Вы никому и никогда больше не будете прислуживать! Пусть прислуживают вам те, кто совсем недавно смотрел свысока, пусть кланяются и унижаются, как заставляли унижаться вас!.. Простите, милая, мою горячность...

– Но... что мне теперь делать? Я рада, что у меня появился отец, но я лишилась супруга! А как же наследник? Разве вы о нём не мечтаете?

– Я отказался от этой мечты, когда стал с вами у алтаря. Пусть у меня не будет сына, зато я отдам долг дочери, которой пренебрегал долгие годы.

– Значит, у меня никогда не будет настоящего супруга? – улыбнулась девушка. Но в её голосе прозвучало плохо скрытое разочарование.

– Наберитесь терпения, дорогая... Возможно, через несколько лет я благополучно скончаюсь, вы станете молодой, богатой, красивой вдовой, и у вас отбоя не будет от женихов! Вы выберете супруга по своему желанию, а не чужо-

му принуждению.

– О чём вы говорите, милорд! – в ужасе замахала руками девушка. – Вы ещё не старый, и проживёте много лет, я надеюсь...

Губы графа искривились в его обычной зловещей улыбке. Он потрепал дочь по щеке и обронил:

– Надеждой живы будем...

10

День рождения Элиссандры Ламас Трейвилт графини Атонианской супруг решил отпраздновать очень пышно. Во-первых, ей исполнялось семнадцать лет, – возраст расцвета любой девушки. Во-вторых, он хотел показать всем и сразу, что его супруга не просто купленная для забавы кукла, а госпожа и полновластная хозяйка Атонианской долины.

К балу и приёму гостей готовились заблаговременно: подъезд и большой приёмный зал украсили гирляндами искусственных цветов, изготовленных из золотой и серебряной парчи, шёлка и лакированной бумаги, бархата и атласа. Стены обтянули шерстяными обоями и гобеленами. В канделябры и люстры вставили тысячи толстых свечей, горевших ярким ровным светом. Полы натёрли воском и устроили галерею для музыкантов. Нанятые в городе и доморощенные актёры и актрисы готовили грандиозное выступление под руководством приглашённого из столицы режиссёра. Замок вы-

чистили, вымыли, покрасили и отремонтировали, слугам и рабам пошили новые красивые одежды. Приглашения разослали заранее, не забыв ни одного, самого дальнего и бедного вассала; также соседям: графу Дохитскому и герцогу Эратскому. Правда, последний сообщил, что не сможет побывать на торжестве лично, но супруга с дочерьми приедут обязательно. Он извинился и прислал подарок – пару великолепных рысаков.

В назначенное время гости начали съезжаться. Те, кто приехал заранее, ждали во дворе, пока их пригласят в замок. По мере прибытия, а также знатности и общественного положения, гости сопровождались в зал, где церемониймейстер объявлял их имена и они шествовали к возвышению, на котором восседали хозяева. Отдав дань вежливости и вручив имениннице подарки, они отходили в сторону, уступая место другим гостям.

Эллис восседала в резном кресле рядом с супругом. Она была прекрасна, как экзотический цветок, одетая в великолепное модное платье, привезённое из столицы, украшенная роскошными украшениями и дорогой заморской косметикой. Она притягивала восхищённые взоры кавалеров и завистливо-ревнивые – дам. Сейчас она меньше всего была похожа на маленькую испуганную девочку, какой была полгода назад, на церемонии в храме, а выглядела уверенной и довольной жизнью женщиной. Леди Айскин, поздравив графиню, сказала, отойдя в сторону:

– А она совсем не похожа на несчастную овечку, отданную на заклятие...

– Я бы сказал, совсем наоборот, – поддержал мать Брисс. – Она выглядит сытой кошкой в чулане со сметаной.

– А я рада, что у Эллис всё хорошо, – улыбнулась Люсиль. Словно почувствовав, что говорят о ней, Эллис посмотрела в их сторону. Люсиль незаметно послала ей приветственный жест и Эллис ответила вежливым кивком и благосклонной улыбкой.

– Прямо, как королева на троне, – процедил сквозь зубы Брисс. – Давно ли она штопала твои чулки, сестрица?

– Перестань, Брисс, – нахмурилась Люсиль. – Что было, то прошло. Теперь она графиня Атонианская, наша госпожа.

– И я должен кланяться и целовать ручку своей бывшей рабыне! – со злостью закончил лорд Брисс.

– Ну, во-первых, она была моей, а не твоей, а во-вторых, я никогда не считала её рабыней, так же, как и папа...

– Тише, дети, тише... – прошипела леди Айскин, с опаской косясь в сторону возвышения. – У графа большие уши и скорые на расправу руки... Говорят, он прирезал своего управляющего только за то, что тот посмел заговорить с графиней наедине...

– Неужели? – удивилась Люсиль.

– Да, я тоже слышал эту историю, – кивнул Брисс.

Между тем гости прибывали и огромный зал заполнялся народом. Гора подарков на столе позади именинницы неуклонно росла. Писарь еле успевал записывать названия и вид подарков. Камеристки, принимавшие дары и относившие в общую кучу, даже запыхались.

Церемониймейстер между тем назвал новые имена:

– Лорд Эвильсен с супругой и братом лордом Дометианом.

В зал вошли двое мужчин и женщина. Мужчины были очень похожи, только один постарше – лет сорока, а второй младше – не больше тридцати. Оба недурны собой: высокие, статные, светловолосые, с безукоризненными чертами лиц и весёлыми карими глазами. Жена старшего, леди Эвильсен, наоборот – невысокая полноватая женщина, с милостивым, но простеньким личиком. Но супруг бережно поддерживал её под руку и относился с почтением и уважением.

Лорд и леди Эвильсен преподнесли изумительной работы шкатулку из нефрита, а лорд Дометиан (судя по тому, что назвали лишь его имя, без родовой фамилии, мужчина имел титул, но ни земель, ни замка, ни иной собственности) вручил камеристкам корзинку, в которой, на шёлковой подстилочке, спали два крупных большеголовых щенка, сопроводив подарок словами:

– Миледи, я иждивенец в доме брата и не могу одарить вас дорогим, достойным вашего высокого положения подар-

ком. Но эти милые щенки принадлежат к хорошей сторожевой породе, выведенной нашими предками. Став взрослыми, они, возможно, защитят вас от врагов или недобрых людей... В любом случае, они могут стать добрыми и верными друзьями.

Увидев кутят, Эллис на миг забыла о роли великосветской дамы и всесильной госпожи и превратилась в юную девушку, какой, по сути, оставалась под маской.

– Ой, какие хорошенькие! – всплеснула она руками. – Я мечтала иметь собачку!

И тут же смущённо покосилась на графа. Но тот и бровью не повёл на выходку супруги. Расслабленно откинувшись на спинку, он обводил зал и толпящихся под стенами людей скучающим взглядом. Эллис наклонилась к лорду Дометиану и прошептала:

– Ваш подарок, сударь, сегодня самый лучший...

– Я рад, что угодил вашей милости, – склонился в изящном поклоне лорд Дометиан.

Эллис приказала одной из камеристок отнести щенков в свои покои и приставить слугу, который будет за ними убирать и кормить.

Дометиан отошёл, уступив место следующему гостю. Девушка невольно проводила взглядом высокую стройную фигуру.

По плану церемониймейстера, вначале должен был состояться бал, затем, уставшие и проголодавшиеся гости перехо-

дили в банкетный зал, где слуги, к тому времени, успеют накрыть столы для пиршества, а после все вновь возвращались приёмный зал, переоборудованный для представления. По окончании зрелища, гости прощались с хозяевами и покидали торжество: те, кто жил близко, уезжали домой, а приехавшие издалека оставались ночевать в специально подготовленных комнатах. Устройством на ночлег и отбытием гостей занимался дворецкий. Церемониймейстер же следил, чтобы торжество прошло, как было задумано и одобрено Его Светлостью.

Когда представили всех гостей, зазвучала музыка, и церемониймейстер объявил начало бала. По традиции, первый танец принадлежал хозяевам. Граф подал супруге руку и вывел на середину зала.

Танцор из графа был так себе. Да и как можно требовать изящества движений от человека, пятнадцать лет прошедшего в седле и «танцевавшего» с мечом на поле боя? Поэтому, как только пол заполнили другие пары, он вернулся в кресло на возвышении. Эллис, конечно, пришлось последовать за супругом. Полная горечи и досады, она с завистью смотрела на весело кружащиеся под музыку пары.

Но долго скучать ей не пришлось. На возвышение поднялся какой-то кавалер, склонился в изящном поклоне и произнёс:

– Миледи, позвольте пригласить вас на танец?

Эллис взглянула на супруга, и тот благосклонно кивнул.

Танец следовал за танцем. Эллис кружилась, веселилась от души, порхала по залу яркой счастливой бабочкой, выслушивала искренние и льстивые комплименты, ловила завистливые взгляды дам и восхищённые кавалеров, и была по-настоящему счастлива.

Но вот к ней подошёл Брисс Айскин.

– Разрешите вас пригласить, миледи, – произнёс он, сделав ударение на последнем слове. Девушка не обратила на его тон внимания, а граф скосил в сторону юного лорда скупающий взгляд.

Эллис взглянула на красивое холёное лицо молодого человека, который не так давно ей очень нравился, и с удивлением осознала, что не испытывает сейчас к нему никаких чувств. Но всё же согласилась на танец.

Ведя девушку в замысловатом медленном фаэдоне, Брисс вначале болтал о всяких пустяках, а потом неожиданно сказал:

– А ты выглядишь весьма довольной, Элли... С чего бы это? Твой урод тебя ещё не бил?

Эллис просто опешила от такой наглости и холодно ответила:

– Вы забываетесь, сударь! Попрошу выбирать выражения!

– Ой, да брось... Разве мы не друзья? Ты уже забыла, как бегала за мной хвостиком и преданно смотрела в глаза? Кстати, а правду говорят, что граф любит связывать и избивать женщин, прежде чем приступить к сношению? С тобой

он тоже проделывал это?

– Сударь... – только и смогла выговорить Эллис, покраснев от смущения.

– Да что ты ломаешься, Элька? Не строй из себя великосветскую даму... Давно ты ей стала?

Сдерживая гнев и негодование, Эллис процедила сквозь сжатые зубы:

– Отведите меня на место, сударь...

– Ладно, успокойся, я пошутил... – нагло улыбнулся Брисс, и крепче сжал её руку. – Быстро же ты забыла старых друзей... Более того, я тебе нравился... А не возобновить ли нам старые отношения? Ты стала такой аппетитной цыпочкой, не то, что прежняя замухрышка...

Эллис остановилась и залепила Бриссу звонкую пощёчину. Всё в зале мгновенно стихло: музыка, разговоры, шарканье ног – танцующие замерли, словно замороженные статуи. Взоры всех обратились к бледному Бриссу и красной от смущения и гнева Эллис. Поэтому мало кто заметил, как казалось от гнева лицо графа Атонианского, как он стремительно встал и бесшумно направился к супруге.

– Вы наглец, сударь, – звонко прозвучал в тишине голос девушки. – Вас мало убить за эти слова!

– Я сейчас это и сделаю, – вставил граф, возникая рядом. – Что случилось? Он оскорбил вас, сударыня?

– Не только...

Схватив наглеца за грудки, граф выхватил кинжал.

– Я отрежу твою тупую башку, щенок, и насажу на копьё, которое выставлю на крепостной стене, – прорычал он.

Эллис, зная крутой и скорый на расправу нрав супруга, повисла у него на руке.

– Милорд, не убивайте его! Он просто глупый невоспитанный мальчишка! – испуганно воскликнула она.

– Неужели?! – глаза графа с яростью сверлили юношу, и тот сжался под этим гневным взглядом, как сдувшийся шар. – Вы прощаете его, сударыня?

– Да, да, прощаю...

Губы графа зловеще изогнулись, но Эллис уже знала, что так он улыбается.

– Что ж... Пусть живёт... Я и не собирался его убивать, ведь он мой гость. Я хотел только напугать и, по-моему, это удалось...

Брисс, и правда, стоял бледный и дрожащий, как осенняя былинка.

– Не соизволите ли попросить у дамы прощения, сударь? – грозно спросил граф. – Хотя миледи простила вас, но я хочу услышать эти слова.

– П-простите, с-сударыня... миледи... – губы Брисса дрожали, и он заикался от страха. – Низжайше прошу простить... моё недостойное поведение... Я больше не буду... – закончил он совсем по-детски.

– Конечно, не будете, сударь, – усмехнулся граф, и от его улыбки Брисс едва не грохнулся в обморок. – Сейчас же по-

киньте мой дом, и больше никогда не приходите сюда без специального вызова. Отныне вы здесь нежелательная персона.

Брисс неуклюже поклонился, и, втянув голову в плечи и опустив глаза, чтобы не встречаться взглядами со знакомыми, поспешил вон из зала. Граф взял Эллис за руку и подал знак музыкантам. Вновь зазвучала музыка и бал продолжился. Но танцующих было мало, в основном, молодёжь. Старшее поколение, собравшись группками, обсуждали происшествие. Никто ничего толком не знал, но уже родились и поползли слухи, один невероятнее другого.

К Эллис робко приблизилась Люсиль и, отвесив глубокий поклон, тихо спросила:

– Можно вас на несколько слов, миледи?

Граф покосился на юную леди Айскин, но не стал возражать. Эллис спустилась к бывшей подруге и отошла с ней в сторонку.

– Ради всех святых, миледи, скажите, что произошло? – умоляюще спросила девушка. – Мама в шоке... Её чуть удар не хватил, когда Его Светлость вынул кинжал.

– Можете обращаться ко мне по имени, – улыбнулась Эллис. – Ведь мы подруги... Были, во всяком случае.

– О, да, были... – грустно вздохнула девушка.

– Что же нам мешает остаться ими и впредь? Почему вы не навещали меня?

– Я... – девушка потупилась. – Я не знала, можно ли... И

мама не разрешала... О графе ходят разные дурные слухи...

– Вот именно, слухи! В них нет ни слова правды! Милорд – милейший и добрейший человек, если его не сердить...

– Но он чуть не убил Брисса! Все это видели... Если бы не вы...

– Да, он вспыльчив... Это его самый большой недостаток. Он любит меня и защищает... Граф не терпит, если ко мне относятся пренебрежительно или обижают. Тогда в него словно демон вселяется!

– Граф любит вас? – недоверчиво протянула Люсиль.

– Души не чаёт! – довольно улыбнулась Эллис.

– А вы его, Эллис? – осторожно спросила подружка.

– Я обожаю его!

– Но... Он такой...

– Вы хотите сказать, уродливый?

– Нет! Нет! – испуганно затрясла локонами леди Люсиль.

– Я не замечаю его уродства... Для меня он просто мужчина. Добрый, любящий, верный, надёжный... Моя защита и опора.

Люсиль смотрела на подругу широко открытыми глазами, а затем медленно кивнула.

– Понимаю...

– И душа у графа добрая и нежная, – улыбнулась Эллис.

– Мне удивительно это слышать. Но... Не повлияет ли сегодняшний инцидент на нашу семью? Граф очень рассердился... Прошу вас, Эллис, замолвите за нас словечко... Мы не

хотим попасть в немилость...

– Хорошо, – успокоила подругу графиня. – Я попрошу супруга не сердиться на вас и вашу матушку... А вы, Люсиль, навещайте меня хоть иногда.

– О, да, конечно! – обрадовалась леди Люсиль. Затем наклонилась к подруге и лукаво шепнула: – Я скажу маме, что это ваш приказ... Я буду приезжать к вам раз в декаду, всё-таки дорога не близкая...

– А вы приезжайте на несколько дней. Я выделю вам собственную комнату в моих покоях.

– Тогда я обязательно приеду на днях! – пообещала девушка.

Подруги расцеловались и расстались. Их милые отношения не ускользнули от взглядов пристальных наблюдателей, и по залу поползли новые слухи.

12

Бал подходил к концу. Объявили последний танец, в котором дамы приглашали кавалеров. По обычаю, бал заканчивала виновница торжества, ей предоставлялось исключительное право выбора.

Когда церемониймейстер объявил «дамский танец», граф посмотрел на супругу и сказал:

– Только не меня, дорогая... Вы же знаете, какой я танцор.

– Я могу пригласить другого мужчину?

– Любого, какого пожелаете. Это ваш праздник, дитя моё.

Музыка заиграла, но никто не тронулся с места. Все в ожидании смотрели на графиню. Эллис медленно встала и так же не спеша спустилась в зал. Она рассеянно поглядывала по сторонам, и вдруг заметила лорда Дометиана, беседовавшего со своим братом. Она вспомнила, что мужчина ни разу не пригласил её на танец, хотя другие молодые люди едва не дрались за право потанцевать с графиней.

Когда Эллис приблизилась к Эвильсонам, все трое склонились в вежливом поклоне.

– Лорд Дометиан?

– К вашим услугам, миледи, – с готовностью откликнулся тот, поднимая на госпожу красивые блестящие глаза.

– Я приглашаю вас на танец, – произнесла Эллис, слегка смутившись от восхищённого взгляда, каким смотрел на неё мужчина.

– Я счастлив, моя госпожа.

Он взял девушку за руку и вывел в середину зала. Они повели первый круг, и вскоре за ними выстроились другие пары.

– Сударь, почему вы ни разу не пригласили меня? – поинтересовалась девушка.

– У вас было достаточно богатых и знатных кавалеров, куда мне до них!

– Вы так низко себя цените?

– Сударыня, мой род старинный, но обедневший... Земли

и замок достались старшему брату. Я же просто нищий... Даже родовое имя мне не досталось. Я прекрасно осознаю своё положение.

– А... моё?

– Ваше? – удивился Дометиан. – Оно очень высокое... Вы – моя госпожа.

– Разве вы не слышали, что я безродная сирота, воспитанная в чужом доме и поставленная в положение рабыни?

Мужчина бросил на девушку недоумённый взгляд и осторожно ответил:

– До нас доходили такие слухи... Разве это правда?

– Истинная, сударь... Раньше я тоже стыдилась своего положения, считала себя недостойной быть супругой Его Светлости... Но граф помог мне поменять мнение. И теперь я горжусь, что он выбрал меня, а не какую-либо другую, более знатную девушку.

– Зачем вы это мне говорите?

– Чтобы дать понять, что я не сужу о людях по их родословной или размеру сундука с деньгами, а оцениваю их поступки. Ваш подарок, сударь, был самым ценным из всех, потому что преподнесён от чистого сердца. Я вас отметила и... ожидала, что вы... ещё как-нибудь проявите себя.

– Кстати, о подарке, – улыбнулся Дометиан. – Этих щенков нужно правильно воспитывать, иначе из них вырастут тупые и злобные твари... Если миледи позволит, я приеду к вам через несколько дней и расскажу о системе дрессировки.

– Миледи позволяет, – улыбкой на улыбку ответила девушка.

– Надеюсь, Его Светлость не будет против... – осторожно продолжил мужчина.

– Почему ему быть против? – удивилась графиня.

– Я слышал, он ревнует вас к каждому дереву в саду.

– Испугались? – насмешливо протянула Эллис.

– Не за себя, сударыня... Не хочу накликать на вас гнев супруга.

– Очень благородно с вашей стороны... Но слухи вас обманули. Если бы граф был ревнивцем, разве он позволил бы мне танцевать с другими мужчинами?

– Вы правы... Я не подумал об этом.

Танец закончился, и Дометиан повёл девушку к её месту.

– Значит, мне ждать вас?

– Я приеду, – с поклоном ответил лорд Дометиан.

– О чём это вы так любезно беседовали? – поинтересовался граф, когда Эллис опустилась в кресло. – Вы казались немного смущённой... Надеюсь, этот мальчишка не наговорил вам пошлостей?

– Нет, милорд. Лорд Дометиан очень воспитанный и скромный молодой человек.

– Неужели? – усмехнулся граф одним уголком губ.

– Он предупредил, что щенки, которых он подарил, требуют особого воспитания, и просил разрешения заехать на днях, чтобы рассказать о системе дрессировки... Я разреши-

ла... Вы не будете сердиться?

– С чего мне сердиться? Если этот молодой человек столь любезен, что не ленится отправиться в дальнюю дорогу из-за такого пустяка – это очень похвально. Ведь от его замка до нас, если скакать верхом, не менее десяти часов дороги!

– Он живёт так далеко? – удивилась девушка.

– В самом южном конце долины.

– Лорд Дометиан говорил, что его род древний, но обедневший. Разве там плохие земли?

– Не знаю. Я почти не знаком с лордами Эвильсонами...

Нужно будет навести о них справки.

– Зачем? – забеспокоилась Эллис.

– Господин должен знать всё о своих вассалах, иначе он плохой сюзерен.

Их разговор прервал церемониймейстер, возвестивший о пире. Усталая и возбуждённая толпа гостей радостно двинулась к гостеприимно распахнутым дверям пиршественного зала.

13

После торжества прошло около месяца. Лорд Дометиан посещал замок Трейвилт почти каждую декаду. Он приезжал поздно вечером, уставший, запыленный, пропахший конским потом. Гостил два-три дня, встречался с графиней, вёл долгие беседы с графом, разделял с гостеприимными хозяе-

вами обеды и ужины. Граф относился к гостю снисходительно, а Эллис не на шутку увлеклась. Она с нетерпением ждала его приездов, при встречах тушевалась, её бросало в сладостную дрожь от одной мысли о лорде.

Дометиан успел рассказать графине уже всё о содержании и уходе за щенками, о дрессуре и отучении от вредных привычек. Поделился подробностями своего детства, проведённого под сенью густых лесов Эвильсленда... В последнее посещение, прощаясь с девушкой, Дометиан грустно произнёс:

– Боюсь, миледи, мы более не сможем увидеться...

– Почему? – огорчилась Эллис.

– Я больше не могу найти повод для приезда.

– А вам обязательно нужен повод? – потупив взор и стараясь сдерживать предательскую дрожь в голосе, поинтересовалась Эллис.

Дометиан внимательно посмотрел на госпожу и ответил вопросом на вопрос:

– А вы бы хотели видеть меня просто так?

– Да... – выдохнула девушка и зарделась.

– Но... Что подумает ваш супруг? В последнее время он и так смотрит на меня очень странно...

Эллис не знала, что подумает граф, если она начнёт тайно встречаться с лордом Дометианом, или мужчина будет продолжать ездить в гости просто так, без причины. Она подумала, что нужно откровенно поговорить с милордом, коль он сам признался ей, что он её отец и не собирается становиться

супругом. Что делать, если ей понравился другой мужчина?

Дометиан расценил её молчание по-своему и поспешно продолжил:

– Поймите правильно, сударыня, я не за себя боюсь... Что мне сделает граф? В лучшем случае, изгонит из владений, в худшем – убьёт. Но я не хочу, чтобы его гнев обрушился на вас... Ах, леди Эллис, дорогая, простите мне мою вольность и наглость, но я... обожаю вас... Моё сердце разбилось в тот миг, когда я впервые увидел вас. Вы... Вы такая чистая, нежная и прекрасная, как снежный цветок, растущий на неприступных горных вершинах... И такая же недостижимая... От одной мысли, что вы можете пострадать из-за меня, моё сердце разрывается! Я лучше умру от тоски, чем позволю хоть тени сомнения пасть на ваше доброе имя.

Эллис была тронута этим неожиданным признанием, но всё же произнесла:

– Мне приятны ваши слова, сударь, но они несколько не успокоили моё сердце. Я расстаюсь с вами с болью и огорчением, и надеждой на новую встречу... Возможно, боги сжалятся над нами и сведут как-нибудь вместе... Хоть ненадолго, хоть на краткий миг...

– Я буду молиться об этом... – прошептал лорд Дометиан, бросая на девушку полный тоски прощальный взгляд. Отвесив графине глубокий поклон, он резко отвернулся и поспешно покинул её покои.

Не успели шаги Дометиана затихнуть в глубине коридо-

ров, как к Эллис наведалься супруг.

– Ба! Да что случилось? – спросил он, заметив в глазах жены слёзы. – Минуту назад я встретил лорда Дометиана, он бежал так, словно за ним гнались демоны. Он показался мне очень расстроенным. И у вас глаза на мокром месте... Вы поссорились?

– Нет.

– Тогда из-за чего грусть?

– Мы не сможем больше видеться!

– Почему?

– Для этого нет повода... А лорд Дометиан не хочет, чтобы обо мне пошли дурные слухи. Он дорожит моей и вашей честью, милорд.

– Лорд Дометиан очень благородный человек, – усмехнулся граф.

– О да! Но мне от этого не легче...

– Почему?

– Мне будет одиноко... Он был таким хорошим... товарищем.

– Всего лишь товарищем? – в голосе графа послышалась ирония.

– Вы допускаете другие мысли? – покраснела Эллис.

– Что вы, дитя моё! Разве я могу подумать о вас дурно? Я знаю, что вы порядочная и разумная девушка, и ни за что не допустите, чтобы над вашим супругом смеялись...

– Но...

– Но лорд Дометиан вам нравится, и вы хотели бы видеть его чаще?

– О, да... – вздохнула Эллис.

– Я всегда с удовольствием выполняю все ваши желания, ведь вы так редко обременяете меня просьбами, – улыбнулся граф. Он поцеловал Эллис в щёку и вышел.

14

Через несколько дней, утром, Мариса – старшая камеристка – доложила госпоже, что лорд Дометиан просит его принять.

– Разве он в замке? – удивилась Эллис. – Пусть войдёт.

Эллис полулежала на кушетке в комнате для развлечений. Перед ней танцевали две рабыни, а Омелия – третья камеристка – ухаживала за ногами, подпиливая их пилочкой из точильного камня.

Когда Дометиан вошёл, отвесив графине глубокий поклон, сердце девушки радостно и сильно забилося. Она взмахнула рукой и приказала всем удалиться, оставив её наедине с гостем.

– Лорд Дометиан, я так рада вас видеть! – искренне воскликнула она, поднимаясь. – Вы нашли повод для посещения?

– Нашёл ли я повод? – улыбнулся мужчина. – Я пришёл, чтобы поблагодарить вас, миледи!

– За что? – удивилась Эллис.

– Ведь это вы уговорили графа дать мне должность управляющего?

– Вы – наш новый управляющий? – ещё больше удивилась девушка.

– С сегодняшнего дня, миледи. Когда я вернулся в замок, то хотел покончить с собой от горя и тоски... Спасибо брату, он удержал меня от этого глупого и недостойного мужского поступка. А тут в замок примчался посыльный от графа, с требованием немедленно явиться в Трейвилт. Я подумал, что Его Светлость догадался о моих чувствах к вам, когда встретил в коридоре в тот роковой день, и теперь хочет наказать... Но он предложил мне должность управляющего с очень высоким жалованьем! Это ли не чудо?

– О да, это настоящее чудо, – задумчиво кивнула девушка, вспомнив слова графа о выполняемых желаниях. – Что ж, я рада, что мы сможем теперь видеться хоть каждый день и не придумывать для этого никаких поводов.

– Я тоже безмерно рад... Эллис, – Дометиан осторожно взял руку девушки и нежно коснулся губами. – Вы позволите мне хоть иногда называть вас этим прекрасным именем?

– Только когда мы будем наедине... – прошептала девушка, чувствуя, как горячая волна побежала от сердца и ударила в голову, заливая щеки румянцем смущения.

– Конечно, моя госпожа... – промурлыкал мужчина, и его губы скользнули выше, по обнажённому предплечью. – О бо-

ги, какая у вас нежная кожа...

Вторая горячая волна побежала вниз, покрыв испариной лоно и вызвав сладостную боль где-то ниже пупка.

– Ах, сударь... Вам пора идти... Прошу вас... – с трудом пролепетала она, задыхаясь от смущения и непонятного желания, сжавшего грудь.

– Да... Прошу прощения, миледи...

Дометиан тоже глубоко и бурно дышал, и глаза его сверкали, как два жёлто-коричневых топаза.

– Вы... О, нет, я лучше уйду, пока не наделал глупостей! – воскликнул он и почти бегом покинул комнату.

Эллис ещё долго не могла успокоиться. Она ощущала на коже прикосновение рук и губ мужчины, её томила непонятная тоска, хотелось плакать и смеяться одновременно. Да что же это с ней? Неужели она... влюбилась? О, нет, это невозможно! Она не может так жестоко поступить с графом, не может отблагодарить его чёрной неблагодарностью после всего, что он для неё сделал! Но и граф хорош! Что это он придумал? Зачем пригласил Дометиана в замок? Пустил лисицу в курятник?

Эллис теперь не знала, как себя вести. Поставленная судьбой и волей графа в двойственное положение, она боялась отдаться чувству первой робкой любви. Она уже почти смирилась, что больше не увидит Дометиана, как тут граф преподнёс такой внезапный сюрприз! Как понимать его действия? Неужели он настолько глуп, что не понимает, что при-

сутствие в доме молодого очаровательного мужчины рано или поздно сделает его рогоносцем? Но, насколько Эллис знала, граф совсем не был глупцом или недалёким человеком. Скорее наоборот... Он просчитывал наперёд все хода. Значит... Он поощряет её связь с лордом Дометианом? Но зачем?

Эллис с такой силой дёрнула шнурок вызова прислуги, что оторвала от кольца. Швырнув его на пол, распахнула створки дверей и чуть не столкнулась со спешащей на вызов Марисой.

– Да, госпожа? – присела та в поклоне, отступая. – Вызывали?

– Его Светлость в замке?

– Не знаю, миледи...

– Так узнай! – сердито топнула ножкой девушка. – И если он здесь, передай, что я хочу его немедленно видеть! Ну, что стоишь столбом? Пошла, быстрее!

Перепуганная Мариса, подхватив юбки, побежала по коридору, цокая каблучками. А Эллис начала нетерпеливо мерить шагами комнату, обдумывая предстоящий разговор с графом.

Не прошло и пяти минут, как в комнату вбежала запыхавшаяся камеристка и доложила:

– Его Светлость сейчас придёт.

Ещё через две минуты стремительно вошёл граф.

– Что случилось, дорогая? – встревожено спросил он. –

На вашей служанке лица не было, и она всё твердила, что вы срочно меня требуете.

– Надеюсь, она не оторвала вас от важных дел?

– Я разговаривал с нашим новым управляющим.

– О... Вот о нём я и хотела поговорить...

15

Граф пристально посмотрел на супругу и спросил:

– Вы недовольны, что я принял на службу лорда Дометиана?

– Да!.. То есть, нет... Я... Нам нужно серьёзно поговорить на одну деликатную тему, милорд!

– Тогда, может нам лучше пройти в сад? На улице прекрасная погода.

Они спустились во внутренний двор, и пошли по центральной аллее. Граф обнимал супругу за плечи, она нежно прильнула к нему, и со стороны казалось, что они просто прогуливаются, мило воркуя.

– Так что вы хотели мне сказать, дитя моё? – заговорил граф, когда они остались наедине, и ничьи любопытные уши не могли их подслушать.

– Зачем вы взяли на службу лорда Дометиана? – прямо спросила Эллис.

– Мне нужен управляющий, и лорд Дометиан полностью соответствует этой должности. Он умён, образован, не юнец,

но и не старик, хорошо разбирается в хозяйстве. Он второй сын в майорате... Я дал ему шанс выдвинуться и заработать.

– Очень благородно с вашей стороны! – саркастически заметила девушка. – А вы подумали обо мне?

– А что вы? Вы ведь не касаетесь хозяйственных дел, и они никоим образом не должны касаться вас.

Эллис остановилась, взглянула на супруга и даже ножкой притопнула от негодования.

– Сударь, вы прекрасно понимаете, что я имею в виду!

– Нет, не понимаю. Объясните, пожалуйста. – Губы графа искривились в улыбке.

– Хорошо, объяснюсь... Я ваша жена по закону, и полюбила вас от чистого сердца. Но тут выяснилось, что вы не можете быть моим настоящим супругом, потому что вы мой единственный отец. Очень хорошо! Но мне семнадцать лет, и моё сердце, как сердце любой девушки, жаждет любви, а тело – нежных прикосновений. И тут я встречаю молодого человека, к которому начинаю испытывать определённые чувства... Но я не имею права любить его, так как для всех – я ваша супруга. Моя связь с другим мужчиной бросит тень на ваше имя. Я стараюсь забыть этого молодого человека, расставшись с ним... А что делаете вы? Приглашаете в замок и предлагаете должность управляющего!

Граф рассмеялся коротким хриплым смехом.

– Вы просто очаровательны в гневе, милая Эллис!.. А теперь выслушайте меня, и, по возможности, постарайтесь по-

нять и принять то, что я вам скажу. Я не имею ничего против вашей любви к лорду Дометиану. Он очень приятный молодой человек, и за ним не числится никаких предосудительных поступков или неподобающего поведения – я проверял. Вы можете тайно встречаться и любить друг друга. Единственное, о чём я попрошу – быть, по возможности, осторожными. Мои люди не приучены болтать, даже если что-то и заметят. Но вы постарайтесь, чтобы об этой связи не узнали посторонние, например, ваша подруга Люсиль Айскин. Чтобы облегчить вам задачу и не напрягать лорда Дометиана, я уеду в столицу на несколько месяцев – король давно призывает меня ко двору. Надеюсь, вам хватит этого времени, чтобы натешиться друг другом и зачать ребёнка...

Эллис даже рот открыла от изумления.

– Что вы такое говорите, милорд?! – почти вскричала она.

– Минутку терпения, сударыня, я вам сейчас всё объясню.

Я – наследный граф. Все эти земли, и титул, и замок мне достались после смерти старшего брата. По законам нашего королевства все крупные землевладения – майораты. Вы знаете, что такое майорат, сударыня?

Эллис кивнула. Она знала, что такое майорат: старшему сыну всё, младшим ничего.

– Мне повезло, – продолжил между тем граф. – У брата не было сыновей и после его смерти графство перешло ко мне. Но когда умру я – некому будет наследовать Атонианскую долину. У меня нет младших братьев. У меня нет даже пле-

мянников, потому что у сестёр тоже нет сыновей. Во всём нашем роде остались одни девочки, не считая меня. Словно нас кто-то проклял... После моей смерти Атониан останется без хозяина. Что его ждёт? Здесь только два выхода: либо долина отойдёт казне, либо за неё начнут драться очень дальние родственники. Я не хочу ни того, ни другого. Я хочу, чтобы династия графов Атонианских не прерывалась... Эллис, вы моя дочь... Я не могу взять вас и зачать наследника... Но вы можете подарить мне «сына», точнее внука, от другого мужчины. Я запишу его на своё имя и сделаю прямым наследником Атониана. Эллис, вы сделаете это для меня?

Эллис молча смотрела на отца-супруга, не зная, что ответить. Его предложение было странным и неожиданным. Девушка и представить не могла, что услышит нечто подобное из уст супруга или отца...

– И давно вам пришла в голову эта безумная идея? – тихо спросила она.

– Когда заметил, как сияли ваши глаза при взгляде на лорда Дометиана, и понял, что вы влюбились в этого мальчишку... Лорд Дометиан родом из старинной благородной семьи и как никто другой достоин стать физическим отцом будущего графа Атонианского... Но, конечно же, Эллис, я вас ни к чему не принуждаю. Поступайте, как хотите. Как позволяет вам совесть и воспитание. Но если захотите полюбить лорда Дометиана по-настоящему, отдаться ему душой и те-

лом, знайте, я никоим образом не буду препятствовать этой связи. И если боги пошлют вам дитя – оно будет носить гордое имя Трейвилтов.

– А если родится девочка? – тихо спросила Эллис.

– Что ж... Значит, я буду знать, что боги за что-то рассердились на наш род и решили стереть его имя с анналов истории... Так как с моей смертью умрёт и имя Трейвилтов.

– А вам не кажется, что нужно сказать лорду Дометиану всю правду? Раз он будет принимать непосредственное участие во всей этой афере.

– Только в том случае, если ваши чувства по-настоящему глубоки и искренни, равно как и его к вам. И это не просто временное увлечение.

Эллис долго молчала, переваривая услышанное, а затем тихо произнесла:

– Я должна подумать над вашим предложением, милорд.

– Думайте, сколько хотите, дорогая. Я не тороплю вас. Время у нас ещё есть. Вам ведь всего семнадцать... Вся жизнь впереди. Я надеюсь...

Эпилог

Двое мужчин нервно прохаживались под плотно закрытыми дверями, из-за которых время от времени доносились болезненные крики и стоны роженицы. Один из них был старым и безобразным, его лицо покрывали ужасного вида

шрамы, делая его зловещим и отталкивающим. Второй – молодой, светловолосый и красивый. Вот уже целых восемнадцать часов графиня не могла разродиться, и лицо графа с каждым часом становилось всё мрачнее и бледнее. Молодой нервно грыз кулаки, вздрагивая каждый раз, когда из-за двери доносился очередной болезненный вскрик. Иногда из спальни выбегали помощницы лекаря, вынося какие-то окровавленные тряпки и принося горячую воду. Глаза молодого человека расширились от ужаса, и он ещё сильнее сжимал кулаки, так, что костяшки белели. Граф провожал повитух мрачными взглядами и кусал обезображенные губы.

Но вот из-за двери послышался грубый повелительный голос лекаря, он почти кричал на роженицу, приказывая ей тужиться. Затем раздался громкий, нечеловеческий женский крик, и оборвался на самой высокой ноте. После долгой мучительной гробовой тишины послышался звонкий недовольный детский вопль. Мужчины вздрогнули и впились глазами в дверь. Спустя несколько минут, показавшихся им вечностью, она открылась и вышла одна из повитух. На руках женщина держала спеленатого ребёнка.

– Ваша Светлость, – торжественно произнесла она, – у вас родился сын!

Молодой человек бросился к ребёнку и впился в его лицо любопытствующим взглядом. Граф не тронулся с места, не сводя глаз с повитухи.

– А как графиня? – глухо спросил он.

– Миледи чувствует себя хорошо. Сейчас она отдыхает.

Только после этих слов граф приблизился и посмотрел на маленькое сморщенное личико. Из-под кружевного чепчика выбились густые чёрные волосики, а круглые карие глазки слепо щурились. Наклонившись, он поцеловал малыша в лобик и приказал:

– Несите его кормилице.

Когда они вновь остались одни, молодой мужчина, с нотками ревности в голосе, произнёс:

– Ребёнок очень похож на вас... Я бы сказал, вылитая копия.

– Так и должно быть, – усмехнулся граф, зловеще кривя губы. – Он же граф Атонианский!

Конец

08.11.2012 г.